АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVII

Н. А. КАЗАКОВА

Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина

Одним из основных направлений русской общественной мысли конца XV—первой половины XVI в. являлось нестяжательство. Нестяжательство оставило настолько яркий след в жизни русского общества, что без анализа его не могут быть поняты многие явления в истории литературы и общественно-политической жизни этого периода.

Однако для характеристики нестяжательства исследователи привлекают обычно лишь литературное наследие его крупнейших представителей: Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, Максима Грека, Артемия Троицкого и неизвестного автора «Валаамской беседы». Несомненно, что эти писатели были наиболее крупными представителями нестяжательства, содержание которого в значительной степени определялось их идейными позициями. Но для глубокого и полного исследования любого идеологического течения необходимо изучение мировоззрения не только его крупнейших идеологов, но и всех тех участников, которые оставили после себя какой-то письменный след — только тогда данное течение может быть понято во всей его сложности и многообразии оттенков.

Попытку именно так подойти к изучению нестяжательства конца XV—начала XVI в. сделал Н. К. Никольский в своей статье «Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII». Анализируя взгляды целого ряда нестяжателей — не только Нила Сорского и Вассиана Патрикеева, но и менее значительных деятелей, — Н. К. Никольский приходит к выводу о существовании в этот период в нестяжательстве трех групп: одна группа — последователи Нила Сорского, воодушевляемые идеалами духовного монашества, — отрицала общежитие и вотчинный быт монастырей; вторая группа, поддерживавшая сношения с Нилом и стремившаяся к духовной жизни, не отказывалась, однако, от общежития и, по-видимому, не была врагом вотчинного быта в принципе, ибо участники ее, ратуя против расширения монастырской вотчины, в то же время не выступали против старинных владений монастыря; третья группа — боярская — во главе с Вассианом Патрикеевым, отрешившись от созерцательного духовного взгляда на иночество Нила Сорского, отвергала вотчинный быт монастырей по соображениям практического характера (монастыри поглощали боярские земли); эта группа составляла наиболее крайнюю фракцию кирилловских нестяжателей, отдельные члены ее поддерживали связи с еретиками.[1]

---

[1] Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII. — Христианское чтение. СПб, 1907, август, стр. 153—189.

Не касаясь сейчас вопроса о правильности классификации Н. К. Никольского, отметим целесообразность предложенного им пути дифференцированного изучения идей и взглядов широкого круга нестяжателей.

Настоящая статья представляет собой попытку изучения литературной деятельности и общественно-политических взглядов одного из представителей нестяжательства конца XV—начала XVI в. — кирилло-белозерского старца Гурия Тушина.

*

Гурия Тушина как адресата известного послания Нила Сорского упоминает А. С. Архангельский, ограничившийся замечанием о том, что Гурий, инок Кирилло-Белозерского монастыря, одно время был в нем игуменом, пользовался большим уважением и имел своих учеников.[2]

Сводку биографических данных и краткую характеристику литературной деятельности и религиозно-общественных воззрений Гурия Тушина дает Н. К. Никольский в уже указанной статье. Он отмечает, что Гурий был известен как деятельный переписчик и составитель сборников, и называет шесть написанных рукою Тушина рукописей.[3] Касаясь вопроса о мировоззрении Гурия Тушина, Н. К. Никольский относит его ко второй группе кирилловских нестяжателей, которые созерцательный взгляд на иночество Нила Сорского соединяли с признанием в принципе монастырского землевладения и выступали только против его дальнейшего расширения.[4]

Некоторое внимание уделяет Гурию Тушину в своих работах Я. С. Лурье. Я. С. Лурье интересуют преимущественно политические позиции Тушина, который, по мнению автора, принадлежал к аристократической группе кирилловских иноков, связанных с удельными князьями. Это мнение Я. С. Лурье обосновывает ссылкой на то обстоятельство, что Гурий стал игуменом Кирилло-Белозерского монастыря после Серапиона, отрешенного от должности благодаря вмешательству удельного князя верейского.[5]

Привлечение новых, неизвестных ранее рукописей Гурия Тушина и анализ их содержания дают основания для углубления, а в некоторых вопросах и для пересмотра существующих представлений о месте Тушина в развитии русской книжности и общественной мысли конца XV—начала XVI в.

Гурий Тушин, в миру Григорий, происходил из боярского рода Квашниных; фамилию Тушин он получил по прозвищу своего прадеда «Туша».[6] В 1478 или 1479 г., приблизительно в возрасте 23—26 лет, он принял пострижение в Кирилло-Белозерском монастыре от игумена Нифонта.[7] В Кирилло-Белозерском монастыре Гурий Тушин сблизился с Нилом Сорским,

---

[2] А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в древней Руси. СПб., 1882, стр. 54—55 и примечания.

[3] Кирилло-Белозерское собрание, №№ 23/1262, 141/1208 (шифр указан неправильно, надо 141/1218), 24/149, 30/1269 (шифр указан неправильно, надо 27/1266); Софийское собрание, №№ 1451, 1468. См.: Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 174—177 и примечания.

[4] Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 174—177.

[5] Я. С. Лурье: 1) К вопросу об идеологии Нила Сорского — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 191, 210—211; 2) Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой половине 80-х годов XV в. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 222.

[6] Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 174 и прим. 1.

[7] О своем пострижении в «лето 6987» сообщает Гурий Тушин в составленном им летописце (см. ниже, стр. 200).

чей скит находился недалеко от монастыря, и стал его учеником и последователем[8] (установить время сближения Гурия с Нилом Сорским за отсутствием каких-либо даже косвенных указаний источников нельзя). В 1484 г., через пять лет после своего пострижения, Гурий становится игуменом.[9]

Поставлению Гурия в игумены предшествовали какие-то не вполне ясные смуты в Кирилло-Белозерском монастыре. В 1483 г., в конце июля, пятнадцать «больших старцев» ушли из монастыря и вернулись в него только через полгода по грамоте верейского князя Михаила Андреевича;[10] по словам Иосифа Волоцкого, касающегося этого эпизода в «Отвещании любозазорным», включенном в его «Духовную грамоту», старцы уходили из монастыря в знак протеста против действий игумена (Серапиона — *Н. К.*), не хранившего предания Кирилла Белозерского. Серапион был отогнан князем[11] (как полагают исследователи — верейским), после чего стал игуменом Гурий Тушин.

Эти события исследователи трактуют по-разному. Н. К. Никольский уход старцев объясняет их недовольством стяжательской деятельностью Серапиона, принявшего от Ивана III до 30 деревень и починков в Вологодской области, и в приходе к руководству Гурия усматривает победу противников расширения монастырской вотчины: не случайно Гурий возвратил Ивану III пожалованные им монастырю в Вологодском уезде вотчины, испросив вместо них у великого князя «оброку житнаго». Я. С. Лурье, отрицая земельную подоплеку борьбы, рассматривает ее как столкновение элементов, связанных с великим князем (игумен Серапион), с элементами, тяготевшими к удельному князю («большие старцы» и Гурий).[12]

С нашей точки зрения, известия источников, повествующих о событиях в Кирилло-Белозерском монастыре в 1483—1484 гг., настолько скудны и отрывочны, что не дают возможности составить о них какое-либо определенное суждение. Тот факт, что предшественник Гурия на посту игумена, Серапион, был отстранен благодаря вмешательству верейского князя, не означает еще, что Гурий был поставлен по воле последнего: между изгнанием Серапиона и поставлением Гурия мог пройти какой-то промежуток времени (дата поставления Гурия неизвестна), в течение которого в монастыре могли взять верх сторонники великого князя. Во всяком случае никаких указаний на связь Гурия в какой-либо период его жизни с удельнокняжеской оппозицией не имеется; что касается отношения к Гурию великокняжеской власти, то оно было вполне благожелательным. Об этом свидетельствует дар Василия III Гурию Тушину — Евангелие, на последнем листе которого рукою Гурия записано: «Сие Еуангелие дал князь великий Василей Гурию Кирилловскому Тушину».[13]

Евангелие, подаренное Василием III Гурию Тушину, отличается высокой художественностью оформления: оно украшено изящным плетеным

---

[8] О взаимоотношениях Гурия Тушина с Нилом Сорским см. ниже, стр. 179—180.

[9] Списки кирилловских игуменов: ГПБ, Погодинское собрание, № 1571, л. 122; Софийское собрание, № 1166, л. 154 об.; № 1167, л. 151; № 1462, л. 2 об.

[10] Летописец Гурия Тушина см. ниже, стр. 200.

[11] ВМЧ, сент. 1—13. СПб., 1868, стр. 551.

[12] Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 173—175; Я. С. Лурье. 1) К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 190—191; 2) Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой половине 80-х годов XV в., стр. 222.

[13] Кирилло-Белозерское собрание, № 28/33, л. 402. Дар великого князя Гурию Тушину у Н. К. Никольского отмечен (Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 179, прим. 1), но без указания шифра Евангелия. За сообщение шифра автор приносит благодарность В. Г. Гейману.

орнаментом и миниатюрами, на которых легкие, исполненные благородного изящества фигуры евангелистов вставлены в великолепное арочное обрамление, а обычный для миниатюр золотой фон заменен тонким орнаментом, образующим ковровый узор. А. Н. Свирин в своем исследовании древнерусской миниатюры, отмечая художественную ценность интересующего нас Евангелия, ставит его миниатюры в один ряд с миниатюрами таких известных евангелий, как Евангелие Феодосия (сына Дионисия) 1507 г. и Бирева 1531 г. Миниатюры этих трех евангелий он рассматривает как отражение дионисиевской традиции в области русской книжной миниатюры первой половины XVI в.[14] (рис. 2). Несомненно, что факт дарения Василием III такого ценного Евангелия старцу, не являвшемуся руководителем монастыря, свидетельствует о большом уважении к нему со стороны великого князя, уважении, возникшем не вдруг и не случайно.

Возвращаясь к событиям 1483—1484 гг. в монастыре, отметим, что связывать их с борьбой вокруг вопроса о судьбе монастырской вотчины, как это делает Н. К. Никольский, у нас также нет особых оснований: возврат Гурием Тушиным Ивану III пожалованных им монастырю деревень в Вологодском уезде мог быть вызван как отрицательным отношением Гурия к расширению монастырской вотчины, так и простым хозяйственным расчетом — вместо отдаленных деревень монастырю было выгоднее получать хлебный оброк.

Нам кажется, что в объяснении причин смут в монастыре ближе всего к истине Иосиф Волоцкий, рассматривающий их как результат столкновения иноков — ревнителей «преданий» Кирилла Белозерского с игуменами, отступавшими от этих «преданий», причем отступления заключались, как это явствует из рассказа Иосифа, главным образом в нарушении внутреннего распорядка: игумены, вызвавшие недовольство старцев, «в церкви на съборном пении и на трапезе, егда ядяху, любляше беседы творити и ненужная глаголати».[15] Неполадки в монастыре попытался использовать удельный князь верейский для усиления в нем своего влияния. Насколько это ему удалось, мы не знаем. Но рассматривать Гурия Тушина как креатуру удельного князя у нас, повторяем, нет никаких оснований.

Игуменство Гурия Тушина продолжалось недолго — всего девять месяцев,[16] но до конца своей жизни он не оставлял Кирилло-Белозерский монастырь, где и умер 8 июля 1526 г., на восьмом десятке лет,[17] окруженный всеобщим уважением. Об уважении и влиянии, которыми пользовался Гурий Тушин в монастыре, свидетельствуют записи в одном кирилло-белозерском сборнике о смерти не только самого Гурия и его сестры, но и его учеников — старцев Симеона, Герасима, Филофея.[18]

В истории Кирилло-Белозерского монастыря Гурий Тушин должен быть отмечен прежде всего как неутомимый труженик пера, как один из

---

[14] А. Н. Свирин. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 78—91.

[15] ВМЧ, сент. 1—13, стр. 551.

[16] Списки кирилловских игуменов см. в прим. 9.

[17] Гурию Тушину шел 71-й год, когда он закончил свою 37-ю книгу, датирующуюся 1523—1526 гг. (см. прим. 42). Дата смерти Тушина указана в сборнике № 1451 Софийского собрания (см. следующее примечание).

[18] В настоящее время этот сборник находится в составе Софийского собрания под № 1451. На обороте л. 190 следующие записи: «В лето 7040, апреля 2, в Кирилове монастыре преставися старец Симеон Спашьской, ученик Гурья Тушина... В лето 7034, июля в 8, на память святаго великомученика Прокопия преставися старец Гурей Тушин, с суботы на неделю в 3 часа нощи, и погребен быть того же дни в 3 часа дни... В лето 7034, июля 20, преставися Герасим, Гурьев ученик...». На л. 262 запись: «Лето 7045-го, месяца октября 31, преставися старец Филофей, Гурьев ученик Тушина, во вторник вечер».

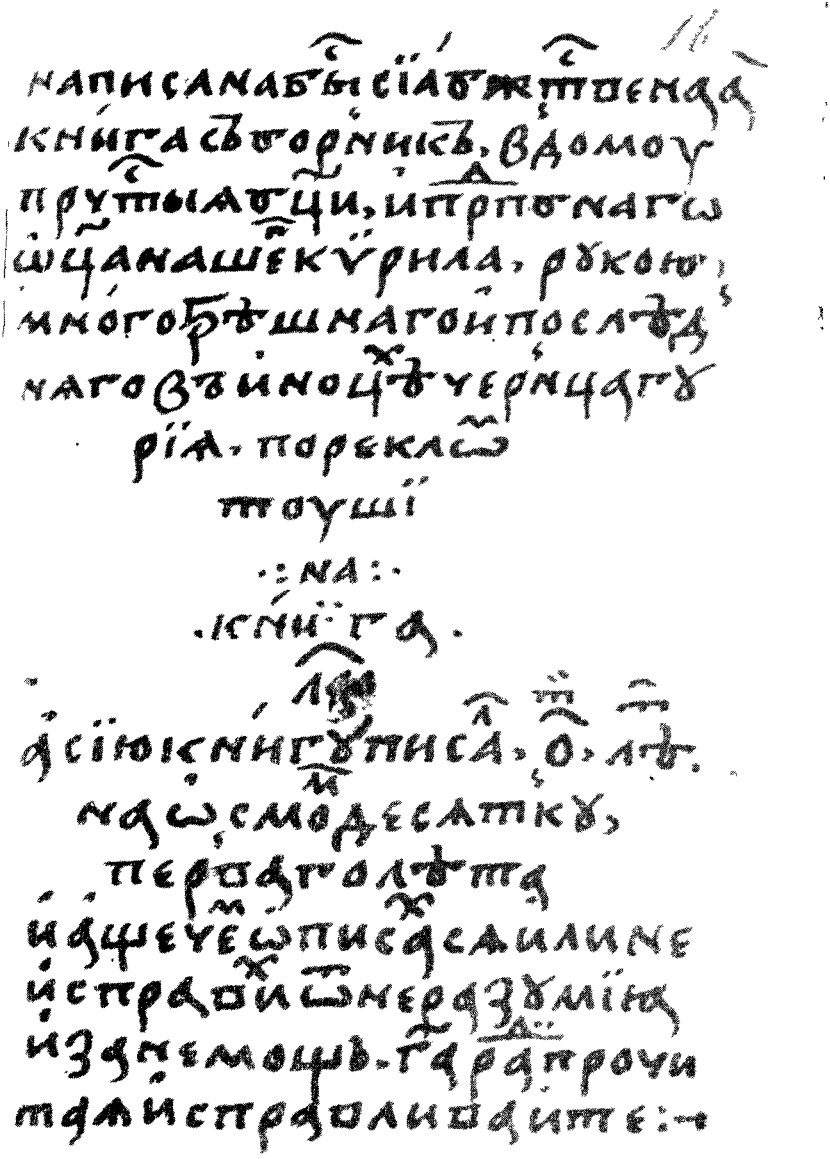

Рис. 1. Подпись Гурия Тушина в конце сборника ГПБ, Софийское собрание, № 1468 (1423—1426 гг., 4°, л. 182).

наиболее деятельных книгописцев, внесший немалый вклад в создание знаменитой Кирилло-Белозерской библиотеки. За 47 лет, проведенных Гурием Тушиным в стенах монастыря, им написаны 37 книг, вошедших в состав монастырской библиотеки.

Гурий Тушин был не просто рядовым переписчиком, а одним из руководителей монастырского книгописания, под руководством которого работали другие монахи-переписчики. На эту мысль наводит просмотр сохранившихся рукописей Тушина. Одни из них от начала до конца написаны характерным, несколько вычурным, но в то же время очень четким полууставным письмом Тушина, другие — почерками Тушина и еще нескольких переписчиков. На первых рукописях обычно имеется запись, что эта книга написана «рукою многогрешнаго и последняго в иноцех Гурия»; [19] на вторых — запись формулируется несколько иначе: книга написана «строением» и «потружением» Гурия Тушина, указание же на написание его рукою отсутствует.[20]

Заниматься книгописанием Гурий Тушин стал еще в конце XV в., вскоре после своего пострижения. На эту мысль наводит ознакомление со сборником № 295/552 Кирилло-Белозерского собрания. Сборник представляет собой стихирарь руки неизвестного писца, написанный, как это явствует из записи на л. 254, в Кирилло-Белозерском монастыре в 1463 г. («в лето 6971»). Позже к сборнику были добавлены другими писцами стихиры Феодосию и Антонию Печерским и отрывки из служб нескольким святым (лл. 255—284 об.). Стихиры Антонию Печерскому (лл. 274—284 об.) написаны рукою Тушина. Очевидно, переписка одной из дополнительных к стихирарю статей была поручена Гурию Тушину, тогда еще молодому иноку, так как трудно предположить, что позже, будучи одним из руководителей монастырского книгописания, Тушин выполнял бы эту второстепенную работу сам, а не передал ее какому-нибудь находившемуся у него под началом переписчику.

Вероятно, очень скоро Гурий Тушин становится самостоятельным книгописцем. Об этом свидетельствует перечень части написанных им книг, сохранившийся в одном из его сборников: «По благословению игумена Макария написал непотребный и многогрешный Гурие монастырю Кириловы ограды Исака Сириянина, да Апостол тетр, да Симеон Новый Богослов, да Петр Дамаскын, да Часловець и с каноны и с многыми нужными вещми».[21] Макарий был игуменом Кирилло-Белозерского монастыря в 1489—1506 гг.,[22] следовательно названные книги были написаны Гурием в эти годы. Но особенно интенсивно деятельность Гурия по книгописанию развернулась в последние два десятилетия его жизни: к этому времени относится большинство из известных нам его рукописей.

Из 37 книг Гурия Тушина нам известны 19[23]: 17 находятся в составе

---

[19] См., например: Кирилло-Белозерское собрание, № 96/101, л. 439.

[20] См., например: Кирилло-Белозерское собрание, № 117/374, л. 133; № 281/538, л. 333.

[21] Кирилло-Белозерское собрание, № 255/512, л. 1.

[22] П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 55. — В 1520 г. в течение одного-двух месяцев (в марте-апреле) игуменом Кирилло-Белозерского монастыря был другой Макарий (см.: там же, стр. 35), но запись Гурия относится не к его игуменству, так как все названные книги не могли быть написаны за такой короткий промежуток времени.

[23] При разыскании рукописей Гурия Тушина использован рукописный каталог Кирилло-Белозерского собрания, составленный В. Г. Гейманом. О четырех рукописях Тушина — Кирилло-Белозерское собрание, №№ 790/1047, 36/113, 568/825, 142/1219 — сообщила Т. Н. Копреева и о трех других рукописях того же собрания — №№ 31/36,

Кирилло-Белозерского собрания (ГПБ)[24] и 2 — в составе Софийского собрания (ГПБ). Эти рукописи располагаются в следующем хронологическом порядке:

1) «Постнические слова» Исаака Сирина с добавлением статей Василия Великого «О любви к богу» и Ефрема «От похвального слова святых отцов», 1489—1506 гг.;[25]

2) «Слова» Симеона Нового Богослова, 1489—1506 гг.;[26]

3) богослужебный сборник, включающий Часослов, Каноник и, кроме того, несколько религиозно-нравственных статей, в том числе Иоанна Златоуста и Нила Сорского, 1489—1506 гг.;[27]

4) сборник житий святых — Симеона Столпника, преподобного Харитона, преподобного Кириака и других восточных и греческих святых (список со сборника, написанного Нилом Сорским), 1509 г.;[28]

5) сборник житий святых, содержащий «Повесть Амониа о убиении святых отець в Синаи и Раифу», жития преподобного Мартиниана, Федора Сикеота, Великого Пахомия и др. (список со сборника, написанного Нилом Сорским), 1509 г.;[29]

6) Богородичник, 1511 г.;[30]

7) Евангелие, 1511 г.;[31]

8) Ирмологий нотный с добавлением нескольких святоотеческих статей, в том числе св. Нила «О осьми помыслах» и Исаака Сирина, 1506—1514 гг.;[32]

9) Апостол тетр, 1515 г.;[33]

96/101, 281/538 — Я. С. Лурье. В. Г. Гейману, Т. Н. Копреевой и Я. С. Лурье автор приносит свою искреннюю благодарность.

[24] В Кирилло-Белозерском собрании имеется Евангелие № 53/58, на первом, чистом листе которого скорописью сделана надпись: «Гурьево писмо Тушина»; почерк рукописи действительно напоминает своеобразное полууставное письмо Тушина, но произвести атрибуцию ему не позволяет водяной знак — сфера (знак, характерный для 60-х годов XVI в.).

[25] Кирилло-Белозерское собрание, № 64/189, на л. 462 запись о том, что книга написана рукою Гурия Тушина по благословению игумена Макария. Очевидно, это та самая книга Исаака Сирина, которая упомянута первой в перечне книг, написанных Гурием Тушиным при игумене Макарии (см. прим. 21 и 22).

[26] Кирилло-Белозерское собрание, № 36/1113, на л. 320 запись Гурия: написана его рукою по благословению игумена Макария. Во второй части сборника, с л. 322, находятся Житие Федора Ефесского и «Слова добродетельные» Федора; эта часть сборника писана, кажется, не рукою Гурия. Симеон Новый Богослов указан Гурием в перечне книг, написанных им при игумене Макарии.

[27] Кирилло-Белозерское собрание, № 255/512, на л. 251 запись о том, что книга написана рукою Гурия по благословению игумена Макария; на л. 1 — перечень книг, написанных Гурием при игумене Макарии (см. выше, стр. 174). В этом перечне настоящий сборник назван последним.

[28] Кирилло-Белозерское собрание, № 23/1262, два почерка — Гурия и похожий на его почерк, но, по-видимому, принадлежащий другому лицу; имеются две записи Гурия: на л. 1 — «Сия житиа и мучениа преписана бысть с книги старца Нила...» и на л. 596 — «В лето 7017 ... написана бысть книга сиа ... потружением многогрешнаго и последняго в иноцех Гурия».

[29] Кирилло-Белозерское собрание, № 141/1218, почерки аналогичны почеркам предыдущего сборника, записи на лл. 1 и 564 также аналогичны записям, указанным в предыдущем примечании.

[30] Кирилло-Белозерское собрание, № 790/1047, на лл. 291—291 об. запись о том, что книга написана рукою Гурия по благословению игумена Ивана в лето 7019 г.

[31] Кирилло-Белозерское собрание, № 31/36, на л. 404 запись Гурия, свидетельствующая о том, что книга написана его рукою в лето 7019 г.

[32] Кирилло-Белозерское собрание, № 568/825, на л. 5 об. запись, указывающая, что книга написана рукою Гурия по благословению игумена Ивана (Иван был игуменом в 1506—1514 гг.; см.: П. Строев. Списки..., стр. 55).

[33] Кирилло-Белозерское собрание, № 96/101, на л. 439 запись Гурия об окончании им книги «в лето 7023 месяца мая 17».

10) религиозно-нравственный сборник, содержащий «Постнические слова» Василия Великого, поучения Феодосия Великого, Антония Великого, Иллариона Великого, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и других святых отцов, послания Нила Сорского, проложное житие Кирилла Белозерского и некоторые другие статьи, 1506—1524 гг.;[34]

11) Часослов с добавлением нескольких статей — «О соединении церквей при Константине и Романе», «О книгах истинных и ложных», из Патерика и некоторых других, 1506—1524 гг.;[35]

12) Каноник с добавлением нескольких религиозно-нравственных статей — Петра Дамаскина, Григория, папы римского, и др., 1506—1524 гг.;[36]

13) Житие Саввы Сербского Доментиановской редакции, 1517—1524 гг.;[37]

14) религиозно-нравственный сборник, включающий различные патристические статьи, каноны, службы, а также произведения Вассиана Патрикеева, 1518—1524 гг.;[38]

15) Апостол толковый (список с перевода Максима Грека), 1520—1524 гг.;[39]

16) Поучения Феодора Студита, 1520—1524 гг.;[40]

17) сборник житий святых — Спиридона, Евстратия и др. — 35-я книга Гурия Тушина, 1520—24 гг.;[41]

---

[34] Кирилло-Белозерское собрание, № 142/1219, конволют, почерки Гурия Тушина и неизвестных писцов. Основания датировки: после смерти игумена Макария (1506 г.), так как он не упоминается в перечне написанных при нем книг (см. стр. 174), и до написания Тушиным его 35-й книги (35-я книга датируется не позже 1524 г.; см. прим. 41 и 42).

[35] Кирилло-Белозерское собрание, № 281/538, почерки Гурия Тушина и неизвестных писцов; на л. 333 запись Гурия о том, что эта книга написана его «строением» и «тружением». Основания датировки те же, что и в предыдущем примечании.

[36] Кирилло-Белозерское собрание, № 117/374, почерки Гурия и неизвестных писцов; на л. 133 запись Гурия, свидетельствующая о том, что книга написана его «строением» и «потружением». Основания датировки те же, что в прим. 34.

[37] Кирилло-Белозерское собрание, № 27/1266, на л. 1 запись Гурия о том, что Житие написано его рукою. Основания датировки: Житие Саввы Сербского Доментиановской редакции привезено на Русь в 1517 г. (см. ниже, стр. 181), Тушинский список Жития написан до 35-й книги Гурия Тушина, датируемой не позднее 1524 г. (см. прим 41 и 42).

[38] Софийское собрание, № 1451 (подробное описание сборника см.: Д. И. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910, стр. 211—215), конволют, почерком Тушина написаны лл. 88 об.—136, 139—147, 233—236. Основания датировки части, принадлежащей Тушину: Тушинская редакция «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева, находящаяся в сборнике, составлена после 1518 г. (см. ниже, стр. 185—186), сборник Тушин писал раньше своей 35-й книги (см. ниже, прим. 41—42).

[39] Кирилло-Белозерское собрание, № 24/149, рукою Тушина написаны лл. 1—10, 181 об.—192; на л. 181 об. запись о переводе Апостола Максимом Греком (см. прим. 58); на листе, приклеенном к верхней доске переплета, скорописью надпись: «Гурьева письма Тушина». Основания датировки: перевод Апостола Максимом Греком был сделан в 1520 г., 35-я книга Тушина датируется не позже 1524 г. (см. прим 41 и 42).

[40] Кирилло-Белозерское собрание, № 85/210, на л. 110—110 об. запись Гурия, свидетельствующая о том, что книга написана его рукою по благословению игумена Алексея. Основания датировки: Алексей стал игуменом в апреле 1520 г. (П Строев. Списки..., стр. 55), 35-я книга Гурия Тушина написана не позже 1524 г. (см. прим. 41 и 42).

[41] Кирилло-Белозерское собрание, № 33/1272, на л. 1 запись: «А сиа книга 35 Гуриева потружениа...», на л. 207: «А писано бысть рукою многогрешнаго Гурия, по реклом Тушина». Основание датировки: написана непосредственно перед 36-й книгой Гурия Тушина

18) Каноник — 36 книга «строениа и потружениа» Гурия Тушина, 1520—1525 гг.;[42]

19) религиозно-нравственный сборник, включающий выписки из Кормчей и различные статьи, в том числе святого Василия, Иоанна Златоуста, Симеона Нового Богослова, Иоанна Лествичника, а также «Пророчества еллинских мудрецов», «Лунное течение» и «Летописец русский» — 37-я книга Гурия Тушина, 1523—1526 гг.[43]

Ознакомление с сохранившимися рукописями Гурия Тушина дает материал не только для биографии Тушина, но и для характеристики его мировоззрения. Последнее определяется двумя обстоятельствами: во-первых, хотя выбор книги для переписки в ряде случаев направлялся волей игумена (в записях Гурия, преимущественно на богослужебных книгах, встречаются указания, что книга написана «по благословению» игумена), но в то же время в известной степени он зависел и от интересов самого Гурия (это касается в первую очередь религиозно-нравственных сборников); во-вторых, переписывая и составляя свои сборники (Гурий делал и первое, и второе), он не просто переписывал интересующие его произведения, но порою создавал, как это будет показано ниже, новые их редакции, отмеченные печатью его индивидуальных вкусов и взглядов.

Литературное наследие Гурия Тушина не выходит за рамки церковной литературы. В книгах Тушина нет светских произведений.[44] По своему содержанию книги Тушина могут быть разбиты на три группы: 1) книги священного писания и богослужебные, 2) житийные сборники, 3) религиозно-нравственные сборники.

Наименьшее значение для характеристики мировоззрения Тушина и его личных склонностей имеют, естественно, книги священного писания и богослужебные, которые Тушин писал, как это видно из его записей, для монастыря, по поручению игуменов. Но одна из этих книг интересна. Это нотный ирмологий прекрасного письма, правдивый свидетель музыкальной образованности книгописца.

Состав житийных и религиозно-нравственных сборников Тушина показывает, что его интересы тяготели к литературе, связанной своим происхождением с греко-восточным православным миром. Житийные сборники Гурия Тушина посвящены житиям греческих и восточных святых. Среди житий, переписанных Тушиным, имеется только одно русское — краткое проложное житие Кирилла Белозерского,[45] которое привлекло внимание книгописца, очевидно, потому, что Кирилл был основателем Кирилло-Белозерского монастыря.

Из религиозно-нравственных статей подавляющее большинство составляют сочинения святых отцов: они представлены книгами, целиком посвященными творчеству отдельных представителей патристической литера-

---

[42] Кирилло-Белозерское собрание, № 215/472, на л. 105 запись Тушина, в которой указывается, что эту книгу — 36-ю — он начал писать 20 декабря, а кончил 19 января, в игуменство Алексея. Алексей занимал пост с апреля 1520 г. по апрель 1525 г. (П. Строев. Списки..., стр. 55), следовательно, 36-я книга Тушина написана не ранее декабря 1520—января 1521 г. и не позже декабря 1524—января 1525 г.

[43] Софийское собрание, № 1468 (подробное описание сборника см.: Д. И Абрамович. Описание..., вып. III, стр. 289—295), на л. 182 запись Гурия о том, что эту книгу — 37-ю — он написал на 71-м году жизни (см. рисунок 1) Основания датировки: летописец Тушина, являющийся предпоследней статьей сборника, заканчивается известием о походе великого князя Василия Ивановича на казанских татар «в лето 7031» (поход имел место в августе 1523 г.; см.: ПСРЛ т. XIII, первая половина. СПб, 1904, стр. 43—44), Гурий Тушин умер 8 июля 1526 г.

[44] Исключение составляют краткий летописец, составленный Тушиным, и статья «О лунном течении» (см. ниже, стр. 190—194).

[45] Кирилло-Белозерское собрание, № 142/1219, лл. 12—115 об.

туры; они включены в состав сборников в виде отдельных произведений, извлечений из них, а также извлечений из русских учительных сборников, возникших на основе патристической литературы, в частности из Измарагда.[46]

При беглом просмотре книг Тушина может сложиться впечатление, что состав их не имеет ничего специфического, отразившего индивидуальные интересы переписчика и особенности его мировоззрения. Русские переводы и русские редакции сочинений святых отцов составляли львиную долю церковной литературы русского средневековья, и перепиской их занимался любой книгописец-монах. Но более внимательное ознакомление с содержанием книг Тушина показывает, что его интерес к патристической литературе имел совершенно определенную направленность: Тушина привлекали в первую очередь церковные писатели аскетически-созерцательного направления.

Крупнейшими представителями этого направления, развивавшими идеи внутреннего самоусовершенствования, «чистой молитвы» и «умного делания», были три писателя византийского средневековья — Исаак Сирин (VII в.), Симеон Новый Богослов (XI в.) и Григорий Синаит (XIV в.). Рукою Гурия Тушина переписаны основные сочинения первых двух: «Постнические слова» Исаака Сирина (91 «слово») и «Слова» Симеона Нового Богослова (24 «слова»), составившие две отдельные книги Тушина. Встречаются в его сборниках и произведения Григория Синаита.[47] Целую книгу Гурий Тушин посвятил также сочинениям Федора Студита, автора монастырского устава, известного своей строгостью, считавшегося в православной церкви идеальным образцом. Однако Тушина заинтересовали не сочинения Федора Студита, трактующие вопросы монастырского порядка, а его поучения, посвященные проблеме внутренней духовной жизни: «о смиренномудрии», «о еже очищати себе от всякия скверны благодаря покаяния», «еже о духовнемь семени и о бдении божественаго поучениа» и т. д. Преимущественно этой же проблемы касаются и произведения других церковных писателей, включенные в сборники Тушина в качестве отдельных статей: Василия Великого, Пахомия Великого, Иоанна Лествичника и др.

Итак, ознакомление с книгами Тушина показывает, что Гурию Тушину был свойствен интерес к проблеме внутренней духовной жизни, во-первых, и к решению этой проблемы с позиций созерцательного аскетизма, во-вторых. Но интерес этот не был одинаковым в различные периоды жизни Тушина. В конце XV—первые годы XVI в. в книгах Тушина были представлены главным образом писатели созерцательно-мистического направления: в это время им были переписаны сочинения Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, а также Петра Дамаскина (книга с сочинениями последнего не сохранилась, но она упомянута в перечне книг, написанных Гурием Тушиным при игумене Макарии). Со второго десятилетия XVI в. сочинения писателей созерцательно-мистического направления в книгах Тушина встречаются реже и состав его сборников, как мы увидим ниже, меняется.

Чем же определялась склонность Тушина к аскетически-созерцательной литературе, прослеживаемая по его книгам конца XV—начала XVI в.? Ответ на этот вопрос дают известные нам факты биографии Тушина.

---

[46] Книга, нарицаемая Измарагд, истолкована святыми отци. — Софийское собрание. № 1451, лл. 119—125.

[47] См., например: Кирилло-Белозерское собрание. № 142/1219, лл. 84 об.—85 об.; № 255/512, л. 253 об.

Гурий Тушин был учеником Нила Сорского. Они не только встречались и беседовали, но и обменивались письмами. В одном из писем Гурий Тушин просил у Нила Сорского наставлений на избранном им жизненном пути. Письмо Тушина не сохранилось, но о содержании его мы знаем из ответного письма Нила Сорского: «Еже усты к устом беседова твоя святыни ко мне, честнейший мой господине-отче, тоже и писанийца о том же присылал ми еси, требуешь от моей худости написано послати к тебе слово полезно, еже к угожению божию и к ползе души». Из письма Нила Сорского следует, далее, что Гурий Тушин обратился к нему с четырьмя вопросами: «о помыслех блудных, како съпротивитися им», «о хулном помысле», «како отступити от мира», «како не заблудити от истиннаго пути». На последний вопрос Нил Сорский ответил, в частности, следующим наставлением: «Свяжи себе законы божественых писаний и последуй тем, писанием же истинным, божественым ... И аще волнения кая подвижут сердце твое житейских вещей, не ужасайся, утверждаем на недвижимем камени заповедей господних и ограждаем предании святых отец».[48]

Может быть, под влиянием наставлений Нила Сорского Гурий Тушин всю свою жизнь посвятил посильному для него служению «божественным писаниям» — переписке книг, их содержащих. Вспомним, что сам Нил Сорский также занимался книгописанием. Весьма вероятно также, что влиянием Нила Сорского определилась и склонность Гурия Тушина к аскетически-созерцательной литературе, характерная для его ранних книг. При жизни Нила Сорского Гурием Тушиным были переписаны уже упоминавшиеся сочинения Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, к творчеству которых Нил Сорский постоянно обращался, черпая оттуда религиозно-философские идеи своего учения.

Влияние Нила Сорского наложило печать и на состав житийных сборников Гурия Тушина; два из них — объемистые книги, без малого в 600 листов, являются списками сборников Нила Сорского: «Сия житиа и мучениа преписана бысть с книги старца Нила, с его списаниа и исправлениа. Занеже многи труды старець Нил показал о сих писаниих», — записал Гурий Тушин вслед за оглавлением сборников.[49] Эта запись, так же как и сам факт переписки житийных сборников Нила в 1509 г., вскоре после его смерти, свидетельствуют о глубокой любви и уважении Гурия Тушина к своему учителю.

Гурию Тушину принадлежит немалая заслуга в сохранении и распространении литературного наследия Нила Сорского: он был одним из первых собирателей и переписчиков его сочинений. Произведения Нила Сорского встречаются в трех сборниках Тушина. В 37-й книге Тушина (датируется 1523—1526 гг.) находится самый ранний из известных списков «Молитвы» Нила Сорского.[50] В другом сборнике, составленном еще при жизни Нила Сорского (до 1506 г.), имеется и самый ранний список его «Устава» (к сожалению, неполный).[51] В сборнике Гурия Тушина, датируемом 1506—1524 гг., находился полный текст «Устава» Нила Сорского. Об этом мы узнаем из оглавления сборника, где подробно перечислены

---

[48] Кирилло-Белозерское собрание, № 142/1219, лл. 196—199 об.

[49] Кирилло-Белозерское собрание, № 23/1262, л. 1; № 141/1218, л. 1.

[50] Софийское собрание, № 1468, лл 61—72 об; издана по этому списку Н. К. Никольским (Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности СПб., 1897, стр. 14—25).

[51] Кирилло-Белозерское собрание, 255/512, лл. 238—242. — Этот список включает «Предисловие», «Сказание главам» и первую главу «О различии, еже на нас мысленыя борьбы, победы и побежениа, и о еже тщаливно противитися страстем».

все главы «Устава». Но самого «Устава» нет: листы с текстом «Устава» были удалены и заменены другими с текстом посланий и духовной Кирилла Белозерского, написанных другим почерком (водяные знаки этих листов также другие). К счастью, в этом сборнике сохранился список (вероятно, один из самых ранних) трех посланий Нила Сорского: Вассиану Патрикееву, Гурию Тушину и Герману Подольному.[52] Можно полагать, что Тушинский список посланий Нила Сорского восходит непосредственно к автографам: естественно, что Гурий Тушин, являясь адресатом одного из посланий Нила Сорского, автограф своего учителя — «великого старца», как он его именует, бережно хранил; автографы же посланий к Вассиану Патрикееву и Герману Подольному он мог получить непосредственно от адресатов, проживавших в Кирилло-Белозерском монастыре.

В литературе давно отмечено, что указанные три послания обычно встречаются в рукописях вместе в следующей последовательности: сначала послание Вассиану Патрикееву, затем Гурию Тушину и, наконец, Герману Подольному. В списке Тушина послания встречаются именно в этой последовательности. Не Тушин ли первый, задумав собрать послания своего учителя, объединил вместе те послания, о существовании которых он знал от их адресатов? При таком предположении становится понятным, почему четвертое послание Нила Сорского — Кассиану, князю мавнукийскому, в этот цикл не вошло и в рукописях встречается только отдельно.[53] Кассиан умер в 1504 г., и Гурий Тушин, объединяя в один цикл послания Нила Сорского, мог не знать о послании к нему Нила или же знать, но не найти за смертью адресата.

С конца второго десятилетия XVI в. состав сборников Гурия Тушина, как мы уже отметили, меняется. Сочинения писателей созерцательно-мистического направления встречаются в них гораздо реже, и вместе с тем появляются статьи, трактующие более широкие проблемы религиозно-общественной жизни. Отметим еще одну характерную особенность поздних сборников Тушина: вместо полных текстов произведений в них довольно часто встречаются краткие изложения их в виде выдержек или пересказов, снабженные в ряде случаев пометками Гурия: «Писал выбором, а не по ряду».[54] Подобные краткие изложения, приводившие порою к возникновению новых редакций произведений, давали простор проявлению индивидуальных вкусов и интересов Тушина. Поэтому для характеристики мировоззрения Тушина его поздние сборники имеют особое значение.

Целый ряд статей поздних сборников Тушина может рассматриваться как своеобразный отклик на острые вопросы современной ему общественно-политической и идеологической борьбы.

Прежде чем перейти к анализу этих статей, попытаемся выяснить, почему, под влиянием каких причин в мировоззрении Тушина произошел сдвиг, обусловивший его поворот от созерцательности к живой, окружающей его общественной жизни. В самой общей форме этот поворот может быть объяснен эволюцией нестяжательства — от сосредоточения на вопросах внутренней духовной жизни с уклоном в сторону созерцательности и мистицизма, свойственных учению Нила Сорского, к участию в общественно-политической борьбе, оружием которой являлось учение Вассиана Патрикеева. Но влияние общих закономерностей идеологического развития осуществляется часто через отдельных лиц, и эволюция мировоззрения Гу-

[52] Кирилло-Белозерское собрание, № 142/1219, оглавление «Устава» — л. 3—3 об.; послания и духовная Кирилла Белозерского — лл. 231—244; послания Нила Сорского — лл. 191—203 об.

[53] А. С. Архангельский. Нил Сорский. . ., стр. 55—56 и примечание.

[54] См. сборники Софийского собрания, №№ 1451, 1468.

рия Тушина была обусловлена в значительной степени его связями с Максимом Греком и особенно с Вассианом Патрикеевым.

Мы не знаем, был ли Гурий Тушин лично знаком с Максимом Греком, но несомненно, что кирилло-белозерский книгописец внимательно следил за литературной деятельностью ученого грека.

Возможно, что вначале Максим Грек привлек внимание Гурия Тушина как выходец с Афона. Интерес к Афону, к афонской литературе был привит Гурию Тушину еще Нилом Сорским, и Тушин сохранял его и после смерти последнего. Памятники афонской литературы, привозившиеся на Русь, сразу же попадали в орбиту внимания Гурия Тушина. Так, едва старец Исайя, приехавший в 1517 г. с Афона, привез в Москву Житие Саввы Сербского, как в Кирилло-Белозерском монастыре появляется список Жития руки Гурия Тушина.[55] Вероятно, протографом для списка Гурия послужил экземпляр Жития, подаренный Кирилло-Белозерскому монастырю монахом Чудова монастыря Михаилом Медоварцевым, будущим помощником Максима Грека по переводу богослужебных книг. Из дарственной записи следует, что Михаил Медоварцев списал свой экземпляр непосредственно с Жития, привезенного Исаией.[56]

Естественно, что живейший интерес должна была вызвать у Тушина переводческая деятельность Максима Грека, имевшая целью исправление богослужебных книг. К переводам Максима Грека Гурий Тушин относился положительно. Доказательство этому — та быстрота, с какой появлялись списки Тушина с переводов богослужебных книг Максима Грека: в 1520 г. Максим Грек при помощи приставленного к нему переводчика Власа заканчивает свой перевод Толкового Апостола, а в 1520—1524 гг. в Кирилло-Белозерской библиотеке имелся уже список этого перевода, сделанный Гурием Тушиным.[57]

Можно полагать, что у Гурия Тушина встречали сочувствие не только переводы Максима Грека, но и некоторые аспекты его публицистической деятельности. На эту мысль наводит очень любопытная подборка статей, помещенная в последнем сборнике Тушина — 37-й его книге. Подборка включает четыре «слова»: 1) «Слово о вдовицах и о сиротах, да не обидят их цари и князи и властели», 2) «Слово на немилостивыя цари и князи, иже неправдою судять», 3) «Слово о судиях и властелех, емлющих мьзду и не в правду судящих», 4) «Слово святаго Василия о судиях и властелех».[58] В основу этих статей Гурий Тушин положил, вероятно, «слова» на аналогичную тему, встречающиеся в списках «Мерила праведного». Филарет в своем «Обзоре русской духовной литературы» отмечает, в частности, следующие «слова», читающиеся в «Мериле праведном»:

---

[55] Кирилло-Белозерское собрание, № 27/1266.

[56] Кирилло-Белозерское собрание, № 30/1269, на лл. 1, 1 об. 2, 2 об., 3 внизу под текстом запись: «В лето 7025 привезл к великому князю Василию старец Исаия из Святыя горы из Ватопеда монастыря книгу житие святаго Савы, прьваго архиепископа срьпскаго, и с тое книги написаны сия тетрати в дому святаго Николы Стараго на Москве в келии Михаила Медоварцова. И дал сии тетрати в дом святыя богородица в Кириллов монастырь на Белаезеро, чтобы помянули в святых своих молитвах мое окаанство грешнаго Михаила».

[57] Кирилло-Белозерское собрание, № 24/149, на л. 181 об. запись рукою Тушина: «Помощию божиею и повелением святейшаго Варлаама, митрополита всея Руси, написано толкование деянием святых апостол от 31 зачала до конца и преложено с греческаго языка на рускый монахом Максимом Святыя горы великыя обители Ватопеда монастыря, да Власом, толмачем латынскым и немецкым, на Москве в царство благовернаго и христолюбиваго Василиа, божиею милостию государя и самодеръжца всея Руси и великаго князя, в лето 7028 марта в четвертое на дете (*так в ркп.*) лето государъства его». О датировке рукописи см. прим. 39.

[58] Софийское собрание, № 1468, лл. 30 об.—35.

1) «Слово на немилостивые князи», 2) «Слово о гордости властителей», 3) «Слово о судиях и властелех, емлющих мзду», 4) «Слово о судиях и клеветах».[59]

Тема «слов» сборника Гурия Тушина — осуждение неправого суда и призыв к царям и князьям следить за тем, чтобы судьи творили праведный суд и не занимались мздоимством. Обращенные к абстрактным царям, князьям, властителям и судьям, описывающие в общей форме мздоимство неправедных судей, ведущих себя подобно алчным волкам, эти «слова» лишены национальной и исторической специфики. Но в условиях Русского государства XVI в., где процветал неправый суд приказной и наместничьей администрации, «слова» должны были звучать злободневно и восприниматься современниками как непосредственно касающиеся больных для них сторон общественной жизни. Тема неправого суда занимала большое место в творчестве Максима Грека. Правда, публицистические произведения Максима Грека, специально посвященные этой теме, относятся к более позднему времени — к 30-м годам XVI в.,[60] но вполне возможно, что уже в 20-е годы в окружении Максима Грека дебатировались вопросы, связанные с этой темой. Не под влиянием ли идей кружка Максима Грека в книгах Тушина появились «слова», направленные против неправедных судей?

Очень важен для понимания мировоззрения Тушина последнего десятилетия его жизни вопрос о взаимоотношениях его с Вассианом Патрикеевым. Этот вопрос был поставлен в литературе Н. К. Никольским. Вассиан Патрикеев, по мнению Н. К. Никольского, в свою бытность в Кирилло-Белозерском монастыре мог принадлежать к кружку Гурия Тушина. Но впоследствии они разошлись, и Гурий Тушин безо всякого пиетета относился к сочинениям Вассиана. «В рукописях Гурия, — указывает Н. К. Никольский, — не раз встречаются заметки, что он пользовался книгами Вассиана, но переписчик везде оговаривается, что он писал „памяти ради, за немощь скорости ради“, писал „отчасти выбором, а не сряду“, а в других случаях прямо говорил, что, переписывая памяти ради, он „исправлял“ отрывки из Васьяновых книг».[61]

Ссылка Н. К. Никольского на заметки Гурия, свидетельствующие об отсутствии у него уважения к Вассиану, является недоразумением. Две заметки Гурия Тушина (на которые ссылается Н. К. Никольский) о том, что он писал «отчасти выбором, а не сряду», относятся не к сочинениям Вассиана Патрикеева.[62] Третья заметка, в которой Н. К. Никольский видит указание на то, что Гурий «исправлял» Вассиана, неправильно прочтена. Эта заметка гласит: «Сиа убо писал есми памяти ради, отчасти выбором, не по ряду, ис правил писал есми из Васьяновых из новых, что в пустыне».[63] Н. К. Никольский при чтении соединил предлог «ис» и существительное «правил», получив, таким образом, глагол «исправил». На самом деле Гурий отметил лишь, что выписки он делал из «правил Вассиановых новых», т. е. из Кормчей Вассиана.[64] Ничего дискриминацион-

[59] Филарет. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884, стр. 61.

[60] В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 37—59.

[61] Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 176, прим. 2.

[62] Первая заметка на л. 88 об. сборника Софийского собрания, № 1451 относится к статье «О памяти смертней» (см.: Д. И. Абрамович. Описание рукописей..., вып. III, стр. 213), вторая на л. 125 того же сборника — к выпискам из Иоанна Лествичника.

[63] Софийское собрание, № 1468, л. 36 об.

[64] «Новыми правилами» Вассиана современники называли его Кормчую. См. судное дело Вассиана Патрикеева в кн.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 287.

ного в отношении Вассиана эта заметка не содержит, так как краткие извлечения из различных произведений, снабженные пометками «писал выбором, а не сряду», составляют, как мы уже указывали, характерную особенность поздних сборников Тушина. Единственный вывод, который можно извлечь об отношении Гурия Тушина к Вассиану из приведенной заметки, это то, что Гурий внимательно следил за литературной деятельностью Вассиана и использовал его сочинения при составлении своих сборников.

Гораздо больший материал для понимания мировоззрения Тушина и его отношения к учению Вассиана Патрикеева дают особые редакции произведений Вассиана — «Собрания некоего старца» и «Слова о еретиках», находящиеся в составе сборника № 1451 Софийского собрания.

«Собрание некоего старца» занимало центральное место в творчестве Вассиана. В этом произведении Вассиан с предельной четкостью выразил основную идею своего учения — о том, что монастыри не должны владеть селами. Написанное в первом десятилетии XVI в. в виде поучения к инокам, «Собрание некоего старца» было затем переработано в канонический трактат, где каждое положение автора подкреплялось ссылками на священное писание и постановления церковных соборов. Канонический трактат предназначался Вассианом для включения в его Кормчую. И канонический трактат, и Кормчую Вассиан несколько раз перерабатывал. Последний этап работы Вассиана над каноническим трактатом — это пространный вид его второй редакции, находящийся в окончательном варианте Кормчей Вассиана, составленном после приезда Максима Грека на Русь в 1518 г.[65]

Канонический трактат Вассиана представляет собой трехчастное произведение. В первой части — позитивной, посвященной изложению взглядов автора на иноческую жизнь, проводятся два положения: 1) иноки должны следовать своим обетам, 2) они должны питаться трудами рук своих и не иметь сел; тех же, кто нарушает обеты, ожидают муки вечные и проклятие. Каждое из этих положений подкреплено длинным рядом ссылок на священное писание. Во второй части — полемической автор вступает в полемику с докладом собора 1503 г., защищавшим вотчинные права монастырей, и обосновывает их нестяжательность указанием на примеры древних святых, не владевших селами. В третьей части, указав на нарушение иноками своих обетов, автор приводит затем длинную подборку ссылок и цитат из постановлений церковных соборов, утверждающих нестяжательность монастырей.[66] В стилистическом оформлении канонического трактата чувствуется стремление автора придать своим рассуждениям значение церковных канонов. Это достигается исключением личного момента — прямых высказываний автора, непосредственно раскрывающих его отношение к рассматриваемым вопросам, и насыщением текста цитатами и ссылками на священное писание и соборные постановления.

«Собрание некоего старца» Софийского списка отличается от канонического трактата Вассиана объемом (текст Софийского списка значительно меньше текста канонического трактата), в известной мере идейной направленностью и, очень существенно, стилистическим оформлением. Все эти отличия касаются главным образом третьей части произведения. Первые две части и в Софийском списке, и в тексте канонического трактата близки; единственное значительное различие между ними — это исключение в Софийском списке второго ряда цитат и ссылок на священное пи-

[65] О литературной истории «Собрания некоего старца» см.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 190—219.

[66] Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 231—238. О соборе 1503 г. см. стр. 26—35.

сание, помещенных в каноническом трактате за рассуждением о том, что иноки должны следовать своим обетам, а нарушающих их ожидают кары.[67]

Чтобы было яснее, в каком направлении шла переработка третьей части «Собрания», приведем начало ее по текстам канонического трактата и Софийского списка.

Канонический трактат	Софийский список
Но о горе, увы, преступив заповеди божиа и отець своих учениа, села к монастырем емлют и покупают и владеют ими, и вся злая съдевается от них иноком, съпротивна к бъжиим заповедем. Ох, что будет в день судный! Едину заповедь преступить человек, мний наречется в царствии небесном. Толк: А мний, ино ничто — мука вечная и геона огненая. А во Апостоле и в святых отець писании многаа таковаа запрещениа нехранящим заповеди божиа.[68]	А ныне положим ум наш в глаголемая: уже и заповедь божию преступихом и учение святых отець не послушаком, и свои обет забыхом. И ныне молю вы, господа ради, поразсудите сами себе, который от них приимаем, от сел покой душевной или телесной? — Безпрестанная волна и по вся дни от них попечение, да не токмо телесне, но и духовне игумену дати от них ответ богу ... Аще ли кто преступит заповедь божию и святых отець поучение, и станут имати села к монастырю или покупати, — ино что убо нам о сих глаголати? Но токмо по божественному писанию о таковых подобает рыдати и плакати, понеже вся нам злая от мира приходит.[69]

В каноническом трактате за приведенным отрывком следует уже упомянутая подборка ссылок на монастырские уставы и соборные постановления, заканчивающаяся переводом правил Федора Вальсамона, в Софийском списке — снова авторское рассуждение о вреде владения селами и напоминание о том, что святые отцы завещали инокам «никако же вступатися в мирская строениа или села держати». Заканчивается Софийский список следующими словами: «И аще ли кто не послушает святых правил и святых отець поучения, тот чернець сам свое бремя носит. Мы таковаго обычая не имамы, ни церкви божия».[70]

Основная идейная направленность канонического трактата Вассиана и «Собрания некоего старца» Софийского списка одинакова — обоснование нестяжательности монастырей. Но автор канонического трактата своим рассуждениям о нестяжательности монастырей стремился, как это уже отмечено, придать значение церковных канонов, для чего он совершенно исключил личный момент (высказывания и обращения от своего имени); нарушителей обета нестяжания автор словами священного писания называл отступниками («мний») и грозил им геенной огненной. В Софийском списке полностью устранены изложение постановлений церковных соборов и ссылки на священное писание (рудимент этих ссылок остался только в первой части «Собрания»); автор неоднократно высказывает свое личное отношение к рассматриваемым вопросам — он пишет от своего имени «мы», «нам»; вместо того чтобы называть иноков, нарушителей обетов, отступниками и грозить им геенной огненной, он указывает, что нарушители сами должны нести «свое бремя» и о них «подобает рыдати и плакати»; обращаясь непосредственно к инокам, автор стремится воздействовать на них своими рассуждениями (но, как мы видели, без угроз) и побудить их

[67] Ср. тексты канонического трактата (Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 231—238) и Софийского списка (см. ниже, стр. 194—196).

[68] Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 233—234.

[69] См. ниже, стр. 195—196.

[70] Н. А Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 234—238; см. ниже, стр. 196.

к соблюдению обетов и в первую очередь обета нестяжания. Софийский список «Собрания некоего старца» представляет собой поучение, обращенное к инокам. Написан Софийский список простым, бесхитростным языком, без всякой риторики и цветистости. Все это дает основание рассматривать «Собрание некоего старца» Софийского списка как особую редакцию произведения Вассиана.

Особенности редакции «Собрания некоего старца» Софийского списка дают возможность установить некоторые черты мировоззрения ее составителя. Составитель редакции Софийского списка, так же как и Вассиан Патрикеев, был противником монастырского землевладения и рассматривал современное ему монастырское вотчинновладение как нарушение иноками своих обетов. Но если Вассиан своему учению о нестяжательности монастырей придал активный, боевой характер, если свою Кормчую, включающую канонический трактат, он думал использовать для того, чтобы склонить великого князя к проведению секуляризации, то составитель редакции Софийского списка ставил перед собой иные задачи. Путь к осуществлению нестяжательности монастырей он усматривал не в политических мероприятиях, а в поучении, наставлении иноков, стремясь путем кротких увещеваний отвратить их от стяжательской деятельности. Иные задачи обусловили особенности редакции Софийского списка: снижение идейной направленности произведения Вассиана[71] и стилистическую переработку его.

Для переработки составитель редакции Софийского списка использовал окончательный вариант канонического трактата Вассиана. Это доказывается наличием в первой части Софийского списка рудимента ссылок на священное писание, имеющихся в пространном виде второй редакции канонического трактата,[72] а также использованием текста одной из статей Кормчей Вассиана. Статья называется «От обоих правил»; вдоль текста статьи на полях листов по вертикали имеется надпись: «О иереох и о иноцех от обещания и о мирскых человецех от крещениа, како им подобает по святым правилом жити и каятися».[73]

Сравним отрывок текста статьи и Софийского списка.

«От обоих правил»	Софийский список
...иноческая же исправлениа нестяжание имению есть и безславие, молчание, смирение, любовь, терпение, кротость, въздержание, худы власяны ризы и прочих житейскых мирьскых попечений чюжу быти.[74]	Понеже иноческая исправлениа — нестяжание и безславие, молчание, смирение, трьпение, любовь, кротость, въздержание и ризы худы, власяны, и всех мирскых попечениих чюжу быти всяческыми делы.[75]

Сравнение показывает, что составитель редакции Софийского списка использовал отрывок статьи «От обоих правил». В Кормчей Вассиана статья находится сразу же за каноническим трактатом (пространным видом второй редакции). Следовательно, редактор Софийского списка, создавая редакцию «Собрания некоего старца», пользовался Кормчей Вассиана, включающей пространный вид второй редакции канонического трактата и статью «От обоих правил».

Установление этого факта помогает датировать редакцию «Собрания некоего старца», представленную Софийским списком. Пространный вид

[71] На это обстоятельство любезно обратила наше внимание Г. Н. Моисеева.
[72] Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 232; см. ниже, Приложения, «Собрание некоего старца», л. 98—98 об.
[73] ЦГАДА, ф. 181, № 1597, лл. 323 об.—325 об.
[74] Там же, л. 324—324 об.
[75] См. ниже, стр. 196.

второй редакции канонического трактата Вассиана, так же как и окончательный вариант его Кормчей, были составлены не ранее 1518 г. Этот год и является нижней гранью датировки редакции Софийского списка; верхнюю грань составляет 1524 г., после которого не мог быть составлен сборник Софийского собрания № 1451, включающий рассматриваемую нами редакцию «Собрания некоего старца».[76]

В составе сборника № 1451 Софийского собрания находится, как мы уже указывали, и особая редакция еще одного произведения Вассиана Патрикеева — «Слова о еретиках».

Тема судьбы еретиков являлась одной из важнейших в публицистической деятельности Вассиана. Этой теме целиком посвящено раннее произведение Вассиана — «Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого великому князю о наказании еретиков»; касается ее Вассиан и в своих более поздних произведениях — «Слове ответном» и «Прении с Иосифом Волоцким», и, наконец, в расцвете своей публицистической деятельности он вновь посвящает ей специальное произведение — «Слово о еретиках», написанное для Кормчей. Во всех этих произведениях инквизиторской доктрине иосифлян, требовавших смертных казней для еретиков независимо от их покаяния, Вассиан противопоставляет иное, более гуманное отношение к еретикам: 1) еретиков покаявшихся следует принимать в лоно церкви, 2) непокаявшихся — заточать, отправлять в ссылку, но не предавать смертным казням.

Анализ «Слова о еретиках» Вассиана показывает, что оно было направлено непосредственно против 13-го «слова» «Просветителя» Иосифа Волоцкого, содержавшего развернутое изложение доктрины иосифлян по вопросу о судьбе еретиков. В «Слове о еретиках» Вассиан развивает мысль о том, что еретиков непокаявшихся «казнити царем и князем их подобает», а еретиков, «обращающихся и приходящих на покаяние, волею или неволею, принимати подобает»; это положение подкрепляется примерами из ветхозаветной истории и патристической литературы. Далее, автор указывает, что духовные лица — «пастыри церковные» — должны обращать еретиков, духовных же лиц, не делающих этого, «правила святых отцов» «изврещи повелевает». Возражая дальше своим неназванным противникам, требовавшим казни еретиков, основываясь на Ветхом завете, автор «Слова» пишет, что из Ветхого завета следует принимать только то, что соответствует Евангелию, апостольским посланиям и правилам вселенских соборов и поместных. В заключение автор подвергает критике утверждение своих противников о том, что «едино есть, еже молитвою и оружием убивати» еретиков.[77]

«Слово о еретиках» Вассиана по самой своей сути являлось глубоко полемическим произведением. В основе его лежит скрытый диалог автора с не названными прямо его противниками. Но, предназначив свое произведение для Кормчей, Вассиан придал ему форму канонического трактата, в котором каждое положение подкреплялось соответствующими правилами — апостольскими, церковными и т. д., почерпнутыми главным образом из Кормчей книги и снабженными (большей частью) точными ссылками на источники. Благодаря этому полемичность произведения, его связь с современной автору действительностью в какой-то мере скрадывалась, затушевывалась, но зато мысли автора приобретали значение церковных канонов (чего, по-видимому, Вассиан и добивался).

---

[76] См. прим. 38.
[77] Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 272—274.

Редакция «Слова о еретиках» Софийского сборника, полностью совпадая по содержанию с редакцией Вассиана, имеет иное название: «Слово 12 на ересь новогородскых еретиков, глаголющих, яко не подобает еретиков осужати, ни проклинати, ни заточати», — и несколько иное стилистическое оформление. Составитель этой редакции, в противоположность Вассиану, придавшему своему произведению форму канонического трактата, стремился подчеркнуть полемичность «Слова», его связь с современной действительностью. Это достигалось, во-первых, удалением характерных для статей Кормчей точных ссылок на Евангелие и правила Кормчей книги (рудимент этих ссылок остался, однако, в начале произведения) и, во-вторых, изменением названия. Заголовок Софийского списка представляет собой начало заголовка 13-го «слова» «Просветителя», против которого, как мы уже отмечали, было направлено «Слово о еретиках».[78] Изменив заголовок, составитель редакции Софийского сборника подчеркнул связь (полемическую) «Слова» с «Просветителем» и вместе с тем с идеологической борьбой, происходившей в Русском государстве в этот период. Устраняя из «Слова о еретиках» ссылки на источники, составитель новой редакции преследовал, очевидно, еще одну цель — облегчить текст, сделать его более доступным для восприятия читателя.

Сравнивая редакции «Собрания некоего старца» и «Слова о еретиках», находящиеся в составе Софийского сборника № 1451, можно установить между ними общие черты: вместо канонических трактатов, теоретические положения которых должны были иметь силу церковных законов, перед нами обращенные автором непосредственно к читателю произведения (в одном случае поучение, в другом — полемическое слово); в обоих случаях торжественность произведений снижается, но зато они становятся более близкими читателю. Этому способствовала простота и безыскусственность языка составителя новых редакций (особенно сказывающаяся в редакции «Собрания некоего старца»).

Сходство редакций «Собрания некоего старца» и «Слова о еретиках» Софийского сборника позволяет высказать предположение, что они были составлены одним и тем же лицом. Вряд ли мы ошибемся, если в качестве редактора назовем Гурия Тушина. За атрибуцию Гурию Тушину рассматриваемых редакций произведений Вассиана говорит целый ряд данных: 1) редакции обоих памятников находятся в составе сборника Тушина и написаны его рукою; 2) для редакторской манеры Тушина характерны как раз краткие переработки и извлечения из интересовавших его произведений; 3) оба сочинения Вассиана находились в его Кормчей, а сам Гурий указывает, что использовал Кормчую Вассиана и делал из нее извлечения для своих сборников;[79] 4) между написанием Вассианом канонических трактатов и новыми редакциями их, находящимися в составе Софийского сборника № 1451, прошел такой малый срок, что вряд ли возможны были промежуточные звенья (Софийский сборник датируется, как мы уже указывали, 1518—1524 гг., «Слово о еретиках» было написано Вассианом около 1515 г., пространный вид второй редакции канонического трактата «Собрания некоего старца» — не ранее 1518 г.).

---

[78] Я. С. Лурье удачно объяснил, почему в заголовке, повторяющем название 13-го «слова» «Просветителя» — «Слово 12 на ересь новогородскых еретиков», оно названо 12-м, а не 13-м Очевидно, составитель текста Софийского списка имел перед собой один из той группы списков «Просветителя», в которой ввиду исключения первоначального 12-го «слова» порядковый номер 12 получило «слово» 13-е (см.: Я. С. Лурье. Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого — памятник раннего иосифлянства. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 132—134).

[79] См. выше, стр. 182.

По-видимому, из Кормчей Вассиана в состав одного из сборников Тушина (того же сборника № 1451 Софийского собрания) попала и статья «Святаго Василия правил 26», первые правила которой направлены против «поставленья по мзде». Осуждению «поставленья по мзде» в сборнике № 1451 Софийского собрания посвящена еще одна статья — «Послание святаго Тарасия к Андрияну пане, еже не поставляти по мзде», протограф которой установить нам не удалось.

Вопрос о «поставленьи по мзде» давно волновал различные круги русского общества. Осуждение «поставленья по мзде» составляло один из основных пунктов учения еретиков-стригольников. Против продажи церковных должностей выступали и представители церковных кругов, стремившиеся к поднятию авторитета церкви. Собор 1503 г. вынес решение о запрещении «поставленья по мзде». Но соборное запрещение, по-видимому, не особенно соблюдалось, и в последующее время этот вопрос не терял своей злободневности. К голосу осуждавших «поставленье по мзде» присоединился и Гурий Тушин, включивший в свой сборник названные статьи. Начало «Послания св. Тарасия» составляет следующее рассуждение: «Рукоположници, иже поставляют епископы и презвитеры и диаконы и весь причет церковный, слуги суть святаго духа, а не продавци, ту не приимше по господню глаголу, ту не должни суть даяти. Аще кто златом благодать святаго духа покушается стяжати, да отвержеться, немощно бо богу работати и мамоне». Эта же мысль о необходимости отлучения виновных в мздоимстве при поставлении еще категоричнее высказана в правилах святого Василия: «Поставляя чрес предел, да извержется. Поставляя на мзде, извержется и поставленый от него».[80]

Заимствование статей из Кормчей Вассиана Патрикеева и особенно наличие в составе сборников Гурия Тушина принадлежащих ему редакций сочинений Вассиана свидетельствует, что в последний период жизни Гурий Тушин был сторонником учения Вассиана и стремился пропагандировать его посредством своего пера. Степень восприятия Тушиным идей Вассиана устанавливается путем анализа Тушинских редакций сочинений Вассиана. Гурий Тушин разделял основные идеи Вассиана: о необходимости относительно гуманного отношения к еретикам и о противоречии вотчинного быта монастырей обетам иноков. Но будучи противником монастырского землевладения, Гурий Тушин в отличие от Вассиана Патрикеева не являлся, по-видимому, сторонником секуляризации и претворение в жизнь своих идеалов нестяжательности монастырей связывал лишь с пропагандой их среди иноков.[81]

Иным, чем у Вассиана, было и отношение Тушина к канонической литературе. Если Вассиану, несмотря на признание им всей канонической литературы, был свойствен все-таки известный критицизм в отношении нее (этот критицизм проявлялся и в использовании Вассианом житийной литературы, и в особенности в работе над Кормчей), то никаких следов

---

[80] «Св. Василия правил 26»: Софийское собрание, № 1451, лл. 109 об — 110 об; ЦГАДА, ф. 181, № 1597 (Кормчая Вассиана), лл. 289—290. «Послание св. Тарасия к Андрияну папе»: Софийское собрание, № 1451, лл. 112—112 об.

[81] В пользу именно такой трактовки отношения Гурия Тушина к монастырскому землевладению свидетельствуют не только особенности его редакции «Собрания некоего старца», но и факт переписки Тушиным «Слова 165 отець на обидящая святыя церкви» (Софийское собрание, № 1468, лл. 26—27). Если бы Гурий Тушин был сторонником секуляризации, то вряд ли он стал бы включать в свой сборник произведение, подвергающее проклятию всех (в том числе и «венец носящих»), поднимающих руку на церковную собственность. Но в то же время переписка Тушиным «Слова 165 отець» может быть объяснена, независимо от его идейных убеждений, интересом к памятникам, в которых ставился вопрос о церковных землях.

подобного критицизма в сборниках Тушина не обнаруживается. В этом вопросе Гурий Тушин стоял на вполне ортодоксальных позициях. Показательна в этом отношении находящаяся в одном из сборников Тушина статья «О книгах истинных и ложных».[82] Статья, содержащая перечень «истинных», т. е. признанных церковью, книг и «ложных», т. е. запрещенных, апокрифических, встречается в древнерусских сборниках очень часто и во многих редакциях. В сборнике Тушина статья также имеет особую, составленную, возможно, самим Тушиным редакцию. Во всяком случае очень неполный перечень «лживых писаний и словес» заканчивается в ней характерным для Тушина замечанием: «Сиа убо отчасти написана бысть, а не по ряду»; к этому замечанию добавлено пояснение: «понеже лжею складена бысть; писал поп Еремея, еретик был» (имеется в виду болгарский поп Еремей, которому приписывались некоторые апокрифические сказания).[83] Нахождение этой статьи в сборнике Тушина в особой, как мы полагаем, принадлежащей ему редакции, показывает, что никакого вольномыслия в отношении религиозной литературы Тушин не проявлял.

Не прослеживается никаких следов вольномыслия и в отношении Тушина к вопросам догматическим, хотя некоторым из нестяжателей такое вольномыслие было свойственно. Мы имеем в виду, в частности, ту позицию, которую занимал Вассиан Патрикеев в христологических спорах конца XV—начала XVI в. Согласно ортодоксальной точке зрения, Христос обладал двумя природами: божественной и человеческой. Учение христианской церкви о двух природах Христа всегда вызывало критику (в своей основе рационалистическую) со стороны представителей различных еретических учений. На Руси на рубеже XV и XVI столетий оно подвергалось нападкам со стороны новгородско-московских еретиков, отрицавших божественную природу Христа и считавших Христа человеком. Вассиан Патрикеев, не соглашаясь с ортодоксальной точкой зрения, отрицал двойную природу Христа с противоположных позиций: он признавал, по сути, только одну божественную природу Христа.[84] Христологические споры задели и Гурия Тушина, чутко реагировавшего, как мы видели, на все важнейшие явления религиозно-общественной жизни его времени. Но в этих спорах он остался верен ортодоксальной точке зрения, что видно из содержания находящейся в последнем сборнике Тушина (1523—1526 гг.) любопытной статьи «Пророчества еллинских мудрецов».

«Пророчества еллинских мудрецов» представляют собой собрание изречений о троице, божественности Христа, воплощении его от девы Марии, приписывавшихся античным писателям: Платону, Аристотелю, Гомеру, Эврипиду, Пифагору и др. Статья встречается в ряде сборников XVI—XVIII вв., а также в Хронографе. Наиболее ранние списки ее — Хронографа редакции 1512 г.[85] и сборника Тушина. П. Е. Щеголев в своем исследовании «Сказания Афродитиана», касаясь интересующей нас статьи, отмечает, что, вероятно, она была переведена с греческого.[86] Однако текст «Пророчеств еллинских мудрецов» Тушинского списка не мог восходить непосредственно к переводу с греческого; так, он включает не только пред-

---

[82] Кирилло-Белозерское собрание, № 281/538, лл. 324 об. — 325 об.

[83] А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. — ЛЗАК, 1861, вып. I, стр. 1—55.

[84] Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 96—98.

[85] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 164—165.

[86] П. Е. Щеголев. Очерки истории отреченной литературы. «Сказание Афродитиана». СПб., 1900, стр. 91.

сказания «еллинских мудрецов» и сивилл, но и пророчение волхва Валаама, взятое из Палеи, и отрывок из «Сказания Афродитиана» русской редакции.[87] Этот текст представляет собой компиляцию, составленную русским книжником. Является ли эта компиляция результатом редакторской работы Гурия Тушина или же он заимствовал ее из какого-то несохранившегося сборника — мы не знаем. Но несомненно одно: Гурий Тушин был одним из первых книгописцев, обративших внимание на редкий, не получивший еще распространения в русской литературе памятник. И это обстоятельство весьма существенно.

«Пророчества еллинских мудрецов» входят в обиход русской литературы в начале XVI в. не случайно. XVI век был временем проникновения на Русь гуманистических веяний и пробуждения в русском обществе интереса к античности. В то же время на рубеже XV—XVI вв. усиливается религиозно-философское брожение, затрагивающее различные стороны христианской религии, и в первую очередь учение о Христе. В этих условиях наиболее проницательные представители русской церкви обращаются к античным авторитетам, стремясь их именами подкрепить колеблющиеся основы православия.[88] К числу таких представителей принадлежал и Гурий Тушин, устами «еллинских мудрецов» защищавший ортодоксальное учение о Христе и вместе с тем отдававший, таким образом, дань уважения античному наследию. Включение Тушиным в свой сборник «Пророчеств еллинских мудрецов» — показатель его гибкости и широты его кругозора.

Для характеристики литературной деятельности и общественно-политических взглядов Гурия Тушина немаловажное значение имеет летописец, находящийся в последнем сборнике Тушина и написанный его рукой.[89]

По своему типу этот летописец принадлежит к кратким летописцам, которые велись в Кирилло-Белозерском монастыре и в которых местные монастырские известия перемежались с общерусскими.[90] Летописец начинается с известия о смерти Феодосия Печерского в 6582 (1074) г. и заканчивается известием о походе Василия III против казанских татар в 7031 (1523) г. За этим известием на обороте л. 179 имеется приписанное позже, не рукой Тушина, известие о смерти царевича Ивана Ивановича в 7090 (1582) г.

По своему составу летописец делится на две части. Первая часть, содержащая известия от 6582 (1074) и до 6934 (1426) г., повторяет с некоторыми отклонениями краткий Кирилло-Белозерский летописец середины XV в., находящийся в сборнике Погодинского собрания № 1554.[91] Используя этот летописец, составитель нашего летописца подверг его сокращению: он исключил начальные известия из истории Киевской Руси за 6523 (1015)—6580 (1072) гг. и ряд известий из последующего текста — под 6666 (1158), 6693 (1185), 6697 (1189), 6698 (1190), 6739 (1231), 6819 (1311), 6829 (1321), 6845 (1337), 6854 (1346), 6864 (1356),

---

[87] Софийское собрание, № 1468, лл. 91 об.—94.

[88] Подробнее об этом см. в нашей статье «„Пророчества еллинских мудрецов" и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв.» (настоящий том, стр. 358—368).

[89] Софийское собрание, № 1468, лл. 173—179 об.

[90] Три таких летописца изданы А. А. Зиминым (А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, т. V. М.—Л., 1950, стр. 22—39).

[91] Текст летописца Погодинского собрания см.: А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв., стр. 22—27. На использование составителем летописца Софийского собрания, № 1468, летописца Погодинского собрания, № 1554 указал А. Н. Насонов (А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Проблемы источниковедения, VI. М., 1958, стр. 259).

6872 (1364), 6904 (1396), 6913 (1405), 6925 (1417), 6923 (1415), 6946 (1438) гг. Известия под этими годами, выпущенные составителем нашего летописца, — ростовские, касающиеся главным образом изменений в составе ростовской церковной иерархии; выпущенный под 6946 (1438) г. рассказ об установлении на Руси митрополии и четырех епископств также ростовского происхождения: если о поставлении епископов белградского, черниговского, волынского в нем просто упоминается, без приведения даже их имен, то о поставлении епископа ростовского читается следующая запись: «посади ... другаго Ростову, Феодора именем, посла его с мучеником Борисом, тъи бысть 1 епископ в Ростове, крести всю землю Ростовс[к]ую и Суздальс[к]ую».[92] Таким образом, составитель нашего летописца в противоположность своему предшественнику не только не пользовался ростовским летописным сводом, но почти все ростовские известия из своего труда последовательно исключал. По сравнению с кирилловским летописцем середины XV в. в рассматриваемый нами летописец добавлено очень немного новых известий: под 6745 (1237) г. — об убиении Батыя венгерским королем, крестником Саввы Сербского; под 6890 (1382) г — о взятии Москвы Тохтамышем; под 6891 (1383) г. — объяснение причин ссылки митрополита Киприана; под 6933 (1425) г. — о преставлении великого князя Василия Дмитриевича; под 6961 (1453) г. — о преставлении великой княгини Софьи. Эти известия были заимствованы, вероятно, из какой-то общерусской летописи.

Вторая часть летописца, начинающаяся сообщением о смерти митрополита Ионы, под 6969 (1461) г., включает наряду с общерусскими известиями и целый ряд известий, касающихся Кирилло-Белозерского монастыря. Эта часть является непосредственно результатом творчества составителя, записавшего наиболее важные, с его точки зрения, события из жизни монастыря и дополнившего их известиями общерусскими, заимствованными, возможно, из той же летописи, из которой были взяты и дополнения к Кирилловскому летописцу середины XV в.

Из числа известий этой части летописца, отражающих факты, связанные с общерусскими событиями, оригинальными являются записи о судьбе Федора Басенка. Федор Басенок, один из выдающихся русских воевод середины XV в., хранивший непоколебимую верность Василию Темному во время борьбы его с Шемякой, великокняжеский воевода в походе против Новгорода 1456 г., после смерти Василия Темного по неизвестным причинам подвергся опале.[93] Из летописца мы узнаем, что в 1463 г. он был ослеплен, а в 1473 г. приехал в Кириллов монастырь, где прожил семь лет и два месяца. Интересны также известия летописца, уточняющие недостаточно отраженные в других летописях факты связей монастыря с великокняжеским домом. Так, читающееся в Московском летописном своде конца XV в. известие под 6986 (1478) г. о пострижении под именем Марфы матери Ивана III, великой княгини Марии, в Москве кирилловским игуменом наш летописец дополняет следующей лаконичной записью: «В лето 6986 февраля 2 постригл Нифонт великую княгиню Марфу»;[94] очевидно, Нифонт специально был вызван в Москву для пострижения великой княгини. Хорошо известное летописное известие под 6989 (1481) г. о том, что во время нашествия Ахмата великая княгиня Софья «бегала за Белоозеро и з боярынями от татар», летописец дополняет указанием на место, где

[92] А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв., стр. 26—27.

[93] О Федоре Басенке см. Я. С. Лурье. Из истории русского летописания. — ТОДРЛ т. XI. М.—Л., 1955, стр. 162—163.

[94] ПСРЛ, т. XXV, стр. 322, см. ниже, стр. 200.

нашла себе приют великая княгиня: «В лето 6989 княгини великая была в Кирилове монастыре София».[95] Эти известия, тщательно записанные составителем нашего летописца, показывают, что во время игуменства Нифонта между монастырем и великокняжеской семьей существовали самые тесные связи.

Ряд оригинальных известий летописца полнее раскрывает жизнь Кирилло-Белозерского монастыря: таковы известия о постриженикам монастыря под 6986 (1478), 6987 (1479), 6993 (1485), 6991 (1483), 6971 (1463) гг., об уходе в 6991 (1483) г. из монастыря, в связи с происходившей в нем борьбой «больших» старцев, о строительстве в монастыре (под 7004 (1496) и 7031 (1523) гг.); для историков архитектуры особенно интересна запись о постройке в 1496 г. в монастыре каменной церкви с указанием ее размеров, количества мастеров («стенщиков»), занятых постройкой, и ее стоимости.

Составителем летописца, очевидно, был Гурий Тушин. В пользу этого предположения можно привести следующие соображения: 1) систематическое изложение кирилло-белозерских известий начинается в летописце с поставления в игумены монастыря Нифонта в 1476 г. (6984 г.), постриженником которого был Гурий Тушин; сообщается о пострижении Нифонтом не только Гурия, но и других лиц; 2) обрывается летописец на событиях, происходивших в последние годы жизни Тушина (поход на татар 1523 г.); 3) летописец заключает последнюю книгу Тушина (он является ее предпоследней статьей); естественно поэтому предположить, что свою книгописную деятельность Гурий Тушин пожелал завершить обзором важнейших с его точки зрения событий истории Руси и родного ему Кирилло-Белозерского монастыря.

Летописец Гурия Тушина отражает в какой-то мере круг его интересов. При чтении летописца бросается в глаза обилие в нем сведений об астрономических и метеорологических явлениях: солнечных затмениях, бурях, громе и т. д. Правда, эти сведения не являются оригинальными: Гурий Тушин заимствовал их из краткого Кирилловского летописца середины XV в. Но симптоматично то, что астрономо-метеорологические известия летописца середины XV в. Гурий Тушин перенес в свой летописец полностью, в то время как известия другого ряда он сокращал. В этой связи укажем на имеющуюся в том же сборнике, где и летописец Тушина, статью «О лунном течении».[96] Как отметил А. И. Соболевский, «Лунников», или статей «О лунном течении», «О лунном хожении», устанавливающих циклы луны, на Руси в XV—XVII вв. обращалось несколько.[97] Статья, читающаяся в сборнике Тушина, имеет название: «Лунное течение. Каяждо луна имать дьний 29 и пол и пятую часть часу и пол часа; начинает же ся от настоящаго 1 круга и въсходит даже до 19. Егда же съвръшиши 19 круг, сиречь година, пакы начни от 1 круга и николи же скончевается реченое число». Эта статья, так же как и известия летописца Тушина о природных явлениях, свидетельствует о наличии у него некоторого интереса к естественно-научным вопросам своего времени.

Но, как всякая летопись, летописец Тушина имеет значение прежде всего для характеристики общественно-политических настроений составителя. Тушин в оглавлении сборника назвал свой летописец «русским».

---

[95] ПСРЛ, т. XXV, стр. 328; см. ниже, стр. 200.

[96] Софийское собрание, № 1468, лл. 150—163.

[97] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 376—377.

И это название вполне отвечает содержанию летописца: несмотря на краткость, он действительно является русским и по преобладанию в нем известий общерусских над местными кирилловскими, и по идейной направленности. Показательна в этом отношении переработка Кирилловского летописца середины XV в., произведенная Гурием Тушиным. При включении его в свой летописец Гурий Тушин опустил, как мы уже указывали, почти все ростовские известия, касающиеся изменений в составе ростовской церковной иерархии. Тем самым был устранен местный ростовский колорит, присущий Кирилловскому летописцу середины XV в.

Три общерусские темы являются стержневыми в летописце Тушина: поставления и смерти митрополитов и великих князей русских, взаимоотношения Руси с татарами, борьба великокняжеской власти с феодальной оппозицией (третья тема присутствует в последней части летописца, отражающей события XV в.). Если известия о смене митрополитов и князей и о борьбе с феодальной оппозицией в лаконичной форме без всякого оценочного момента констатируют основные факты, то в известиях о русско-татарских отношениях в ряде случаев присутствует оценка или же приводятся дополнительные факты, отражающие позицию составителя.

Так, к известию кирилловского летописца середины XV в. под 6745 (1237) г. «Бысть Батыевщина» в летописце Тушина добавлено: «и убиен бысть от угорскаго краля, крестника Савы Серпскаго». В добавлении речь идет о вымышленном убийстве Батыя венгерским королем Владиславом, о чем повествуется в «Повести об убиении Батыя», читающейся в ряде русских летописей. Как правильно отметил исследователь «Повести» С. П. Розанов, своим идейным содержанием она отвечала национальному чувству русских людей.[98] И Гурий Тушин, внося в свой летописец легендарное сообщение об убийстве Батыя, тем самым как бы подчеркивал, что за все горе, причиненное Русской земле Батыем, он понес должное возмездие.

Показательны также изменения, внесенные Тушиным в запись под 6891 (1383) г.

Кирилловский летописец середины XV в.	Летописец Гурия Тушина
В лето 6[8]91 князь великий Дмитрие Иванович сослал Киприана митрополита, и бысть оттоле мятеж в митрополии.[99]	В лето 6891 князь великий Дмитрей съсла митрополита Киприяна за то, что не седел в осаде, на Тверь сбежал.[100]

В обоих летописцах речь идет о ссылке великим князем митрополита Киприана, бежавшего из Москвы во время нашествия Тохтамыша. В Кирилловском летописце просто констатируется факт ссылки, без всякого пояснения, и затем читается известие о розни, начавшейся в русской митрополии (имеется в виду одновременное существование двух митрополитов — Питирима и Дионисия). В летописце же Тушина опущено известие о розни в митрополии, но зато добавлено читающееся в летописях того времени указание на причину опалы митрополита Киприана.[101] Это

[98] С. П. Розанов. Повесть об убиении Батыя. Пгр. 1915, стр. 1.
[99] А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв., стр. 25.
[100] См. ниже, стр. 199.
[101] ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1921, стр. 154; т. XXV, стр. 210.

добавление, раскрывающее неблаговидное поведение митрополита в грозную годину татарского нашествия, означало, по существу, осуждение его с патриотических позиций. Ненависть Тушина к вековому врагу Руси — татарам еще явственнее сказывается в заключительной записи летописца — о походе Василия III на казанского царя, «християнъского врага и губителя и кровопивца». Татарская тема у Тушина имела совершенно определенный аспект, свидетельствующий о патриотизме составителя.

*

Изучение рукописного наследия Гурия Тушина освещает ту большую роль, которую Тушин сыграл в развитии русской книжности конца XV—начала XVI в.: он был одним из самых деятельных книгописцев — не просто переписчиком, но и составителем сборников и редактором ряда произведений. Книжное «тружение» Гурий Тушин считал главным делом своей жизни, и, может быть, именно поэтому последнюю статью своей последней книги он посвятил краткому изложению легенды о мощах Иоанна Златоуста: о том, как после взятия Царьграда турками фряги выкупили у турецкого султана мощи Златоуста, а султан, несмотря на выкуп, послал за ними свои корабли, о том, как турецкие корабли были потоплены молитвами Златоуста и мощи его спасены из рук неверных.[102] Иоанн Златоуст почитался православным миром как покровитель книг, «строению» которых Гурий Тушин посвятил всю свою долгую жизнь.

Роль Гурия Тушина в развитии русской культуры конца XV—начала XVI в. не ограничивается книгописанием. В своих книгах Гурий Тушин выступал как представитель определенного направления общественной мысли — нестяжательства, пропагандировавший его идеи посредством своего пера. Анализ содержания книг Тушина позволяет в какой-то мере проследить эволюцию его мировоззрения. Если в первый период своей деятельности, будучи учеником Нила Сорского, Гурий Тушин интересовался преимущественно проблемами внутренней духовной жизни, то в последующее время под влиянием Вассиана Патрикеева в его мировоззрении происходит поворот к практическим вопросам современной ему религиозно-общественной жизни. Гурий Тушин примкнул к той группе нестяжателей, которая во главе с Вассианом Патрикеевым ставила своей целью реформу православной церкви на основе ликвидации вотчинного быта монастырей. Но путь к достижению этой цели Гурий Тушин мыслил себе иначе, чем Вассиан Патрикеев: он связывал его не с секуляризацией церковных земель, а с пропагандой идей нестяжания среди иноков. Иной была позиция Тушина и в вопросах догматических: по отношению к ним он не проявлял никаких «шатаний». Политическую платформу Тушина на основе его книг проследить трудно. Но, судя по общерусской идейной направленности летописца Тушина, а также по той благосклонности, с какой относился к Тушину Василий III, мы можем предположить, что Гурий Тушин, так же как и Вассиан Патрикеев, являлся сторонником великокняжеской власти. Религиозно-философские и общественно-политические взгляды Гурия Тушина — показатель сложности и многообразия оттенков, которые идеология нестяжателей приобретала в лице своих различных представителей.

---

[102] Софийское собрание, № 1468, л. 180. Другой вариант легенды (пространный) находится в сборнике № 1449 Софийского собрания (лл. 570 об.—571). Этот сборник был написан в 7110 (1602) г. в Кирилло-Белозерском монастыре чернецом Евстафием.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОБРАНИЕ НЕКОЕГО СТАРЦА

ГПБ, Софийское собрание, № 1451, сборник, в 4-ку, первая четверть XVI в., полуустав и полуустав, переходящий в скоропись, разных рук, лл. 98—102 об.

Събрание некоего старца на въспоминание своего обещаниа от святаго писаниа. О отвержении мира, яко же пишет в жизни святаго Савы *л. 98*

Въдав себе богови и вручив ся честному житию, и печатлев свою душю целованием святаго Еуангелиа пред многыми послухы, и прикоснувся десною рукою на поручение честнаго послушания к своему игумену, — и сицевыми делесы и словесы Великый Сава душу их кормяше и напояти не престаше, и крыла им даяше, и летати их учааше, и выше небес въсходити их поучаше.

Еуангелиа от Матфеа 39, зачала 69, 79, || в Марке 45, в Луце 49 и *л. 98 об.* 77 и 91. А в Апостоле зачало 40. И в правилех, иже на римляны, в слове 80 от Петра апостола: Софиа и с нею 160 жен приаша житие удаление от мирскых вещей, апостол же тех острищи повеле и в сукняны ризы черныя одеяти их, и поясы ременныя поясати о чреслех. И рече апостол: Аще кто хощет въздержатися легок на высоту быти изменою, да идет на особная места тихая, да ту празнует молитвами и алканием и почитанием ума и очищением. И в Апостоле зачала 67, 75, 176, 181, 215, 238, 244, 245, 257, 292, 296, 330, 331. И в Василии Великом слово 5, || 6, 7, и *л. 99* в Слове о отвержении мира и съвершении духовнем, в нем же и о учителе непрелеснем по бозе учащем, а не по человеческому угожению. И в правилех Великаго Василиа правило 84: Аще кто не по Еуангелию хочет жити, мы с такыми не хочем погыбнуть, но спасая, спасет душу свою.

И все святии отци о отвержении мира писаша: иноком жити по Еуангелию и по Апостолу и по Великому Василию — сел не держати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии и питаяся своими руками. И аще ли не удовлимся сим, подобает у христолюбцев милостыня приимати || нуж- *л. 99 об.* ная, не излишнее, ни села, ни многаго богатства (а сие и мирскым чюже есть — уповати на богатство, а не на бога) и не внимати человечьскым обычаем и сим попирати святая писаниа. Аще ли же не хранят своего обещаниа, сим святая писаниа муками претит и огню вечному осужает и отступники их именует и проклятию их предает.

Аще ли кто возглаголет: Преже сего монастыри держали земли, — сиа убо ложь, а не истинна. Но прежнии вси святии началныи отци сел у монастырей не держали: ни Пахомей Великий, ни Ларион Великый, ни Са||ва Великый, ни Ефимей Великый, ни Феодосей Великий, ни Семион *л. 100* Чюдодворец, иже на Дивней горе, ни Афонасей Афонскый, ни Феодор Студискый, ни иным прежнии началници сел у монастырей своих не имели. Аще кто и давал им села, и они не имали мятежа ради, но хотяху жити безмолъвно и тихо по Еуангелию и по своему обету, как ся обещали в своем постригании пред многими послухи.

Тако же и Рускыя земли здешныи наши началници и чюдотворцы: Антоний и Феодосий Печерскии, иже в Киеве, и чюдотворець Сергий Радоне||ский, и Кирил Белозерскый, и Варлам Новгородскый и Деонисей *л. 100 об.* Глушискый, и Дмитрей Прилутскый, и Павел Комельскый — те все святии отци и чюдотворци сел не держали и не имали, но жили по Еуангелию и по иноческому обещанию. Понеже села держати подобает епископом у съборныя церкви нищих ради и убогых,

зане же и апостолъское правило глаголет 59: церковное богатство — нищих богатство. А иноком подобает жити по своему обещанию как святая правила повелевают и как жили святии отци наши и учеников своих тому же
л. 101 учили, что жити безмолвно и || в мирскыя вещи не вступатися.

А ныне положим ум наш в глаголемая: уже и заповедь божию преступихом и учение святых отець не послушахом, и свои обет забыхом. И ныне молю вы, господа ради, поразсудите сами себе, который от них приимаем, от сел, покой душевной или телесной? — Безпрестанная волна и по вся дни от них попечение, да не токмо телесне, но и духовне игумену дати от них ответ богу.

Нам же убо ныне подобает святая правила хранити и по них ходити, и святых отець и прежних и нынешных заповеди их и поучениа сьблю-
л. 101 об. дати, а в мирскыя вещи не вступатися. Аще ли кто || преступит заповедь божию и святых отець поучение, и станут имати села к монастырю или покупати, — ино что убо нам о сих глаголати? Но токмо по божественому писанию о таковых подобает рыдати и плакати, понеже вся нам злая от мира приходит.

Понеже все святии отци не инако приемлют иноческое житие, но по законоположению Постных словес великаго отца нашего Василиа и прочих святых отець, еще же и по житию святаго отца нашего Пахомиа, яко началника суща и съвершителя общежителных завещаний. И вся нам
л. 102 повелевают божествена писаниа и святая правила || никако же вступатися в мирская строениа или села держати — вся сиа нам злая и не полезная душам нашим от сего приходит. Понеже все святии отци духом святым познали, что им от сел пакость душевная будет — того ради и не держали их и учеником своим запретили о том, чтобы с миром не съплеталися, жили бы по Еуангелию и по своему обещанию, что писано в нашем постригании. Понеже иноческая исправлениа — нестяжание и безславие, молчание, смирение, трьпение, любовь, кротость, въздержание и ризы худы, власяны, и всех мирскых попечениих чюжу быти всяческыми делы. ||
л. 102 об. И аще ли кто не послушает святых правил и святых отець поучения, тот чернець сам свое бремя носит. Мы таковаго обычаа не имамы, ни церкви божия.

«СЛОВО» 12 НА ЕРЕСЬ НОВГОРОДСКИХ ЕРЕТИКОВ

ГПБ, Софийское собрание, № 1451, сборник, в 4-ку, первая четверть XVI в., полуустав и полуустав, переходящий в скоропись, разных рук, лл. 106—109 об.
Издано Н. А. Соколовым в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 521—528.

л. 106 Слово 12 на ересь новогородскых еретиков, глаголющих, яко не подобает еретиков осужати, ни проклинати, ни заточати

Мы же противу сему речем, яко подобает еретиков осужати и проклинати и заточати по святому писанию: по Еуангелию от Матфеа в 52 зачале, а по Апостолу в 324 зачале, а в Никонской книзе в 25-м слове и в 26-м, и по святых отець правилом. Тако же и царем, князем подобает осужати и проклинати и заточати насилующих еретиков на святыя божиа церкви и на православных христиан и не покоряющихся правилом святых отець казнити царем и князем их подобает, яко же бысть великым царем
л. 106 об. Костянъ || тином при Селиверсте, папе римстем, и царем вавилоньскым Моаавиею в граде Едестем при епископе Феодоре, яко же святейши па-

триарх Костянтинаграда Фотей пишет, бысть при Костянтине цари, Ираклиеве внуце, в Ковосе граде при епископе колонийском, и потом бысть в Армении при Фоме, епископе неокесарийском. А обращающихся и приходящих на покаяние волею или неволею приимати их подобает, яко же бысть при тех православных царех, пакы тому же подобно яко же Великий Василие прелщенаго отрока, самоволне отступша от бога и предавшася диаволу писанием, и обличена бывша и || неволею пришедша на покаяние, л. 107
прият бысть. И пакы евреина оного премудрейшего в врачех Иосифа, неволею пришедша к крещению, прият бысть и сътвори его вместо евреина истиннаго христианина и вместо волка истинное овчя христова стада. И яко же бысть при Ауленте цари Великым Василием в Никеи, святем граде пряхуся с Василием арияне о церкви божии; ариане же молишася, и церкви им не отверзеся; Василий же Великий помолися, и абие пакы сами о себе двери отверзошася; безчисленое же множество ариян, извещение приемше о бывшем преславном чюдеси, отвергошася злочестиа и ||
в христианскую веру преложишася. И иная многая таковая в святом л. 107 об.
писании от святых отець бываемая, еретиков молитвою обращали к Христу, а не оружием убивали. И в ветхом бо законе пророци еретиков молитвою и оружием убивали, но от божия извещениа, а не от своего самовластиа.

Тако же и ныне подобает митрополитом и епископом, и архимандритом, и игуменом обращающихся еретиков от своих ересей, или волею или неволею приходящих на покаяние, приимати их; тако бо и святая правила повелевают. И пакы в правилех Нила Черьноризца послание к Хариклию
презвитеру сурово напа||дающих на съгрешающих, и в Никоне о покая- л. 108
нии слово 51 и 52-е. Аще ли же пастырие церковнии не обращают еретиков или леностию или нерадением, или грубостию, или по коему любоковарству, — по правилом святых отець, таковыя извреци повелевает.

Аще ли кто речеть, приведуя от ветхаго закона к новому закону христову, что еретиков казнили лютыми казньми и убивали, — и мы противу речем сему: аще от ветхаго закона к новому закону что приведено от святых христовых уст, от Еуангелиа, и от апостольских посланий и от святых
правил седми съборов, и от поместных — [а] *сие приемлем.*[б] И аще что || кто л. 108 об.
нововведет или что приложит или уложит кроме Еуангелиа и Апостола и святых правил, — и в святых правилех сего иноязычником и мытарем именует и проклятию предает.[в] Понеже апостол сведетельствует: ветхая мимо идоша и вся быша нам нова христовым пришествием.[г] И пакы: аще бы пръвый закон непорочен был, не бы второму искалося место; и аще ли мы или аггел благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет.[д]

Аще ли кто речет: едино есть, еже молитвою и оружием убивати супротивляющаяся закону Христову, — и мы же противу сему речемь:
молитвою убивати — се от святых есть ||, а оружием убивати — от царь- л. 109
скаго повеления есть и от человеческаго се обычая бывает, яко же напреди изъявися о Костянтине цари великом и о Амавии цари, и при Костянтине цари, внуке Ираклиеве, молитвою убо пророци и апостоли казнем и смертем предавали противляющися закону христову, — и мы сему не противимся. Аще и ныне кому от бога таков дар дасться, и мы о сем паче благодарим бога [е] и радуемся,[ж] яко же апостоли сътвориша или Леоньтей Катанский Лиодора еретика связа его своим епитрахелем и взыде с ним

[а–б] *Доб.; в ркп. нет.* [в] *Против этого места на поле написано* зачало 180. [г] *Против этого места на поле написано* зачало 319. [д] *Против этого места на поле написано* зачало 199. [е–ж] *Написано на поле.*

л. 109 об. на сковраду и держа его, дондеже сгоре весь до конца, а самого епископа не коснуся огнь. || Понеже свидетельствует правило святых: аще который пастырь единою ударит верна или неверна съгрешающа, да извержется сана своего; и аще кто сему писанию супротивляется от своего разума, мы сяковаго обычая, рече апостол, не имамы, ни церкви божиа. До зде, аминь.

ЛЕТОПИСЕЦ РУССКИЙ

ГПБ, Софийское собрание, № 1468, сборник, в 4-ку, 1423—1426 гг., полуустав руки Тушина, лл. 173—179.

л. 173 Летописец рускый[а]

В лето 6582[б] мая 3 преставися Феодосий игумен печерскый.

В лето 6634 августа 1 в 8 час нощи тряслася земля.

В лето 6666 апреля 8 князь Андрей и Михалко, брат его, заложили церковь в Володимери Успение святыя богородица.

В лето 6696 гром бысть страшен февраля 17.

В лето 712 генваря 20 бысть знамение на небеси: 3 солнца на въстоце, а на западе 4-е, а среди небеси аки месяць подобне дузе. И стояста от утра даже до полудни.

В лето 713 падеся церковь в Ростове болшая.

В лето 6738[в] Леонтей епископ перенесен бысть к церковь священна.

л. 173 об. В лето 6||739 знамениа многа: солнце преминися, яко и месяць, и поиде солнце въспять к востоку 2 часа.

В лето 6745 бысть Батыевщина и убиен бысть от угорскаго краля, крестника Савы Серпскаго.

В лето 6809 была буря силна; в Ростове 4 церкви изо основания изверже.

В лето 6813 месяць[г] преставися Максим митрополит.

В лето 6816 поставлен бысть Петр митрополит на Русь Афонасием, патриархом Цариграда.

В лето 6829 июня 29 в 3 часа дне гибость солнцу бысть, яко двою день месяць. Тое же лето мор бысть на люди.

л. 174 В лето 6||834 августа 4 заложена бысть церковь на Москве святая богородица Успение болшая. Того же лета убили в Орде князя Дмитрея Михайловича. Тое же зимы преставися Петр митрополит декабря 22.

В лето 6835 священа бысть церковь на Москве Успение святыя богородица Прохором Ростовъскым. Того же лета убили в Твери Щелкана, посла царева.

В лето 6836 князь великы Иоан Калита Данилович седе на великом княжении. Тое же зимы прииде на Русь митрополит Феогност.

В лето 6848 поиде в Орду князь великий Иоан Данилович Калита.

л. 174 об. В лето 6||849 преставися князь Иоан Калита.

В лето 6861 преставися Фегност Митрополит. Того же лета седе на княжении князь великий Иоан Иоанович.

В лето 6862 поставлен Алексей митрополит.

В лето 6865 Алексей митрополит ходил в Орду и царици очи исцелил христовою благодатию.

В лето 6866 бысть поводь велика по Петрове дни аки весне.

В лето 6867[д] преставися князь великий Иоан Иоанович.

[а] *Заглавие взято из оглавления сборника Софийского собрания, № 1468, л. VI об.* [б] *Испр.; в ркп.* 6082. [в] *Испр. по краткому Кирилло-Белозерскому летописцу* (см.: А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, т. V. М.—Л., 1950, стр. 23); *в ркп.* 6788. [г] *Далее в ркп. заклеено.* [д] *Испр.; в ркп.* 6067.

В лето 6868 седе на царстве Ходырь и дасть княжение великому князю Дмитрею Ивановичу. Тое же зими день 3 час нощи знамение бысть на небеси: облак кровав и светел || аки заря. л. 175

В лето 6879 князь великий Дмитрей Иванович поиде в Орду. Того же лета бысть знамение в солнце места черны, аки гвозди, а мгла стояла поряду два месяца и толь велика была, яко за две сажени пред собою человека в лице не видети, а птици во воздуху не видяху летати, но падаху на землю. На ту же осень князь великий Дмитрей выиде изо Орды.

В лето 6883 ноября 26 князю великому Дмитрею Ивановичу родися сын в Переславле Юрий и крести его святый великий Сергий.

В лето 6885 февраля 12 преставися митрополит Алексей, пас церковь божию лет 23. ||

В лето 6888 бысть сиа князь великий Дмитрей за Доном, побил л. 175 об.
Мамая, а тогды было благовещение на пасху.

В лето 6889 на праздник вознесениа господня прииде из Царяграда на Русь Киприян митрополит.

В лето 6890 прииде Тахтамыш на Русь и Москву взял августа 20 и много зла сътворил граду.

В лето 6891 князь великий Дмитрей съсла митрополита Кипреяна за то, что не седел в осаде, на Тверь сбежал.

В лето 6896 мая 19 преставися князь великий Дмитрей Иванович.

В лето 6897 выиде из Царяграда Киприян митрополит, || а с ним два л. 176
митрополита от царя и от патриарха.

В лето 6900 сентября 25 преставися преподобный Сергие. Тое же осени выиде из Орды князь великий Василие Дмитреевич и седе на великом княжение.

В лето 6903 ноября 28 преставися Феодор, архиепископ ростовский.

В лето 6914 июня 16 в 3 часа дни бысть гибость солнцу.

В лето 6915 сентепря 15 преставися Киприян митрополит в 1 час нощи; пас церковь божию лет 30.

В лето 6918 апреля 22 прииде Фотей митрополит изо Царяграда на пасху на Москву.

В лето 6935 преставися преподобный Кирил чюдотворец белозерский; а жил лет 90.

В лето || 6936 преставися преподобный Никон, игумен троицъский, л. 176 об.
ноября 17.

В лето 6933[е] преставися князь великий Василей Дмитреевич.

В лето 6939 июля 1 преставися Фотей митрополит.

В лето 6917 бысть Едегиевщина.

В лето 6942 марта 14 преставися Христофор, игумен кириловский. Того же лета преставися князь Юрий Дмитреевич.

В лето 6945 поимал на бою князя Василиа Косово князь великий Василие.

В лето 6961 июня 15 преставися княгина великая София. Того же лета преставися князь Дмитрей Шемяка в Новеграде.

В лето 6963[ж] убиен бысть от вогулич[з] епископ || Питирим Пермскый. л. 177

В лето 6962 поставлен бысть Феодосий Бывалцев епископ Ростову.

В лето 6967 поставлен бысть Иона епископом [и] *в Новград.*[к]

В лето 6953 июня 7 бысть бой под Суздалем.

В лето 6934 июня 29 сгоре треть монастыря Сергиева.

[е] *Испр.; в* ркп. 6900 [ж] *Испр.: в* ркп 6063 [з] *Испр.: в* ркп. гогулич
[и] [к] *Испр. по Кирилловскому летописцу середины XV в.: в* ркп. на Коломну.

В лето 6969 марта 31 преставися Иона митрополит, а держал митрополию полтретьянатцата года.

В лето 6970 преставися князь великий Василие Василиевич.

В лето 6981 игумен Нифонт бысть в Кирилове монастыре.

В лето 6986 февраля 2 постригал Нифонт великую княгиню Марфу.

л. 177 об. В лето 6987 постри||гл Нифонт Гуриа Тушина, да Дорофея, в неделю на обедне на выходе. Тое же осени постригл Нифонт Луку Соловарова сентебря 9.

В лето 6989 июля 5 преставися князь Ондрей Вологодскый.

В лето 6993 преставися великая княгиня Марфа июля 4.

В лето 6991 апреля 10 преставися Лука Соловаров, жил в чернецех 4 лета и 7 месяц.

В лето 6964[л] июля 22 князя Василиа поимали ярославичи.

В лето 6971 августа 27 Басенку очи выняли после великаго князя Василия смерти год и 5 месяц.

В лето 6973 ноября 11 Филип митрополит преставися.

л. 178 В лето 6||974 был Василе Чюлок в Кирилове манастыре. Того же лета Серапион пострижен.

В лето 6981 князь Великий Иван Василиевич понял цареву дочь Софию из Риму.

В лето 6981 июля 4 приехал Басенок в Кирилов жить и жил в нем 7 лет[м] и два месяца.

В лето 6986 князь великий Новъгород взял.

В лето 6988 князь великый Иван владыку Феофила с Новагорода свел.

В лето 6989 княгини великая была в Кирилове монастыре София.

В лето 6991 князь великый Иван Иванович женился, понял Воло-
л. 178 об. шанку Олену. Того же лета ходили старци болшии 15 || из Кирилова, а пошли по Ильине дни, а пришли в великой пост в третью неделю в свои келии по грамоте князя Михаила Ондреевича.

В лето 6981 преставися князь Юрий Васильевич.

В лето 6993 преставися Феодор Катат. Того же лета преставися Феодосие Перфушков.

В лето 7004 начали ставить в Кирилове монастыре церковь камену, а стала в пять месяц, и лоб железом побили, а стала в полтретья ста рублев, а мастеров было 20 стенщиков, а величество ея от передняго по-
л. 179 рога до горняго места 12 саженей, || а от мосту до лба 12 саженей, а в ширину 10 саженей.

В лето 7031 почали ставити в Кирилове монастыре келию казенную и клеть и ворота каменыи на третьей недели по велице дни.

В лето 7002 преставися князь Андрей Василиевич Углетцкы, а седел поиман великым князем Иваном, братом его, а был на Казенном дворе 2 лета и два месяца.

В лето 7031 пошел князь великый Василей Иванович с своею братиею и с всеми людми на казанскаго царя, а на християнъскаго врага и губителя и кровопивца.[н]

[л] *Испр.; в ркп.* 6064. [м] Лет *в ркп. исправлено.* [н] *На обороте л. 179 запись, сделанная не рукою Тушина:* Лета 7090-го ноября 19 преставися царевичь Иван Иванович в неделю на утрени, почали пети «хвалите имя господне»; а лет его 28.